

Зло, грех, страдания. В свете православного Предания (сборник)

Предисловие

Что такое зло? Как появилось оно в мире, сотворенном добрым и совершенным? Где его источник и каковы его порождения? В чем же состоит «смысл зла» – ведь у Бога нет ничего нет бессмысленного. Почему благой и всемогущий Бог допускает зло и страдания – ведь Он легко мог бы устранить их. Что такое грех? Как праведный Судия может терпеть несправедливость, когда по вине одних людей страдают порой тысячи невинных? Как пред лицом бесконечного милосердия Божия оправдываются невинные страдания? Эти вопросы и сомнения волнуют многих верующих людей. Ответы на них в свете Священного Предания Православной Церкви читатель найдет в настоящей книге.

Предисловие

Проблема зла является поистине универсальной и предельно значимой для каждого человека и для общества в целом. Так или иначе ее пытаются решить многочисленные философские и религиозные учения, спектр которых удивительно многообразен.

В материализме зло понимается наиболее примитивно и отождествляется либо со страданием, возникающим из-за препятствий к удовлетворению потребностей и получению удовольствий, либо с социальной несправедливостью. Некоторые философы считают злом весь видимый мир, а добром – мир идей. В дуалистических системах зло считается онтологически необходимым, одним из двух начал мира (добро и зло). В пантеистических учениях зло считается либо иллюзией, либо, наоборот, понимается как реальность и основа человеческого существования.

Но собственно как проблема, как некое существенное противоречие, требующее разрешения – не только богословского, но и практического, жизненного, – вопрос о зле возникает именно в христианстве.

Мир лежит во зле, – утверждает Иоанн Богослов (1Ин. 5:19). И эти слова находят себе подтверждение не только в книгах Священного Писания – едва не на каждой странице, – но и во всей мировой истории, и в личном опыте каждого человека. Вместе с тем мы знаем, что зло не сотворено Богом; все сотворенное Им – хорошо весьма (Быт. 1:31). Как же объяснить наличие зла в мире, добром по своему существу?

Священное Писание открывает нам, что «начальник зла» – падший

ангел, сотворенный, как и все прочие существа, совершенным, но восставший против Бога и ставший дьяволом, «лукавым». Через человека, уловленного дьяволом (2Тим. 2:26), зло вошло в мир и вместе с ним – грех, страдания и смерть. Господь Иисус Христос, придя на землю, победил зло, поправ дьявола, разорвал узы греха и смерти. В радости Его славного Воскресения исчезает всякое страдание, всякая скорбь (см.: Рим. 8:17–18). Тем не менее, и это также очевидно для всех, зло и страдания не только продолжают существовать в мире, но порой принимают неслыханные масштабы. Почему?...

Цель настоящей книги – помочь читателю разобраться в этих вопросах. Она составлена из трудов известных православных богословов и подвижников благочестия прошлого столетия, принесшего человечеству исключительный искус зла. Каждому из них в той или иной мере довелось быть участником этой горестной «страды», в которой уже не богословски-умозрительно, но и в опыте скорбей, порой тягчайших, чрезвычайных, была явлена и бездна нечеловеческой злобы и человеческого падения, и тайна претворения «торжества зла в торжество духа и величия человека».

Первый очерк принадлежит архиепископу Феодору (Поздеевскому) – ректору Московской духовной академии в последние предреволюционные годы и авторитетному защитнику Православия во время церковной смуты 1920-х годов. Владыке Феодору довелось претерпеть страдания и засвидетельствовать свою веру даже до смерти. Его размышления о смысле страданий были написаны в начале XX века и публиковалась дважды (во второй раз – в несколько дополненном виде). Очевидно, эта проблема являлась для Владыки одной из первостепенных, и он возвращался к ней в течение целого периода жизни, предшествующего грядущим тяжким испытаниям. В статье с разных сторон рассматривается вопрос существования в мире зла и страданий, объясняется их причина и указывается, каким образом в христианстве страдания могут и должны претворяться во благо, приносить добрые, спасительные плоды.

Вторая часть книги представляет собой несколько глав из курса «Догматического богословия» протопресвитера Михаила Помазанского, прочитанного им в Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле (США). Протопресвитер Михаил (Помазанский) окончил Киевскую духовную академию, после 1917 года оказался в эмиграции. Его изложение православной догматики отличается ясностью и точным следованием святоотеческой традиции. По мысли о. Серафима (Роуза), о. Михаил явился поистине связующим «звеном» между современным поколением христиан и «подлинным богословием святых отцов».

В заключительной части помещены наставления исповедника и мудрого пастыря XX века игумена Никона (Воробьева) об особом значении скорбей для современных христиан. Это выписки из писем батюшки духовным чадам. Писания о. Никона отличаются глубоким, опытным знанием законов духовной жизни, христианской трезвостью.

Обобщая содержание книги, в качестве резюме заметим, что, рассматриваемая в свете православного Предания, тайна зла и страданий раскрывается пред нами как тайна Креста Христова. Жизнь каждого христианина подобна земному пути Спасителя. Каждому надлежит испытать в своей мере встречу со злом лицом к лицу в пустыне искушений, богооставленность Гефсимании, крестный путь и Голгофу. И – через труды и скорби земной жизни – войти в радость Господа, стать соучастником в Его царствии (Откр. 1:9).

Из церковного Предания мы знаем также, что чем ближе к концу времен, тем все более будут усиливаться в мире зло и грех и, соответственно, умножаться скорби – вплоть до видимого кратковременного торжества тайны беззакония (2Фес. 2:7). А затем произойдет Второе славное пришествие Спасителя, Который «отрет от нас действительно всякую слезу и скорбь» (архиепископ Феодор (Поздеевский); срав.: Откр. 21:4). Тогда проблема зла, греха и страданий будет действительно исчерпана до конца, зло будет побеждено, не станет уже ни болезни, ни печали, ни воздыхания, восторжествуют божественный мир и правда.

Тайна греха и страданий по суду Откровения.

Архиепископ Феодор (Поздеевский)

Архиепископ Феодор (Александр Васильевич Поздеевский) родился 21 марта 1876 года в селе Макарьевском Костромской губернии в семье священника. Окончил Казанскую духовную академию и защитил магистерскую диссертацию, посвященную аскетическим творениям преподобного Иоанна Кассиана Римлянина. В 1904–1906 гг. архимандрит Феодор – ректор Тамбовской духовной семинарии. В 1906–1909 гг. – ректор Московской духовной семинарии. С 1909 г. – ректор Московской духовной академии. 14 – сентября 1909 года хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии. Епископ Феодор был строгим монахом и аскетом в личной жизни, ревнителем святоотеческих традиций в жизни церковной и в богословии, знатоком канонического права. В Академии владыка ректор читал курс пастырского богословия; его лекции были изданы в 1911 году под названием «Смысл христианского подвига. Из чтений по пастырскому богословию».

Вскоре после Февральской революции 1917 года ректор МДА епископ Феодор был смещен с должности и назначен настоятелем московского Данилова монастыря. Благодаря владыке Феодору и его ученикам и единомышленникам в 1920-е годы, несмотря на внешние стеснения и репрессии, монастырь стал светочем и оплотом Православия. Во время вспыхнувших церковных смут в Данилове находили прибежище многие верные Православию архиереи. В июле 1920 года владыка был впервые арестован – так начался его путь исповедника. С тех пор он практически не был на свободе. В августе 1923 года указом Святейшего Патриарха Тихона епископ Волоколамский Феодор был возведен в сан архиепископа.

В 1937 году архиепископ Феодор жил на свободном поселении в пригороде Усть-Сысольска (Сыктывкара) селе Тентюкове. Здесь 4 марта 1937 года он был арестован по постановлению Управления НКВД Ивановской области и 23 октября 1937 года расстрелян в Ивановской тюрьме. В 1981 году архиепископ Феодор был прославлен Русской Православной Церковью Заграницей в сонме святых новомучеников и исповедников Российских.

Помещаемый ниже очерк печатается по изданию: Тамбовские епархиальные ведомости. 1906. Часть неофициальная. №31. С. 1338–1341; №33. С. 1450–1454; №34. С. 1487–1491; №35. С. 1527–1534. Владыка Феодор вновь обратился к проблеме страданий спустя три года и,

несколько расширив этот очерк, поместил его в «Богословском вестнике, издаваемом МДА» (1909. № 10. Т. 3. С. 286–311), под названием «К вопросу о страданиях». Заключительная его часть приводится в конце настоящей публикации.

Если бы вся история жизни человеческой на земле с самой ее колыбели каким-либо чудом развернулась, подобно огромному книжному свитку, пред нашим взором, то, конечно, каждый бы из нас увидел как бы огненными и кровавыми буквами написанное: плач, и стон, и горе¹. Наблюдения каждого и опыт всего человечества на протяжении всей его истории достаточно ясно говорят, что настоящий мир и жизнь, по крайней мере в сознании человечества, есть мир скорби, страданий и зла. Зло здесь в большой дозе перемешано с добром, и, как тонкий яд, это зло проникает собой все: к красоте природы примешивается безобразие, в силе природы сказывается ее слабость, а от человека гораздо более возносится к небу стонов отчаяния и плача, нежели восторженных криков радования и ликования. И что всего тягостнее для сознания человека, ищущего проникнуть в тайну окружающей жизни, так это замечаемое им постоянно какое-то странное противоречие и несоответствие между явную целью жизни природы и человека и действительной жизнью и деятельностью их. Ведь красота, здоровье, сила, жизнь по-видимому составляют явную цель природы в мире органическом, но в то же время природа действует и в противоположном направлении и трудится столько же и для уничтожения всего живущего, сколько и для жизни; не только для человека, но и для всего живущего она и мать, а пожалуй, больше того – мачеха. Она уничтожает одной рукой то, что делает другой.

У человека от природы есть много добра и в совести, и в разуме, но в то же время еще больше есть такого, что постоянно борется в человеке с добром. И как сама природа постоянно как бы противоречит себе самой, так и человек постоянно мучается непрекращающейся борьбой духа и плоти, высших и низших своих стремлений. Пусть человек намеренно будет закрывать глаза и не замечать этой общей «страды жизни», пусть он будет стараться найти забвение в полном погружении себя в чувственность и так называемые удовольствия жизни, он этим самообманом только на некоторое время как бы устранил от себя весь ужас сознания пустоты своей жизни и кругового страдания, но самый-то факт этой всеобщей «страды жизни» так и остается фактом, и еще тяжелее дает себя почувствовать в минуты духовного протрезвления, и заставит искать того или иного решения. Ведь не может же человек жить этой одной только скорбью жизни и в ней находить смысл жизни, а будет

непрерывно искать какого-либо оправдания этой скорби житейской, какого-либо ее смысла и цели.

В мировой истории можно видеть, как человечество в борьбе с этой «страдой жизни», в погоне за благом сбивалось с пути жизни, не зная истинного выхода из страданий, и терпело полное крушение жизни – или спускалось на степень чисто животного состояния, утрачивая всякое человеческое достоинство.

Библия говорит нам об одном ужасном крушении всего человечества, когда люди, заглушая внутренний голос совести и забыв Бога, искали забвения на пути только плотских удовольствий и дошли до чисто скотского состояния, так что Господь нашел лучшим совсем смыть с лица земли этот позор человечества волнами всемирного потопа, нежели оставить такое состояние мира, когда, по словам священного писателя, растли всяка плоть путь свой на земли². Светская, мирская история народов говорит нам о другом, хотя и не таком ужасном, как потоп, но все же великом и печальном крушении человеческой жизни, когда люди пред пришествием Христа на землю в тщетных поисках истинного пути жизни и выхода от бессмысленной суеты жизни в отчаянии готовы были сами прекратить свое существование. «Не стоит жить», – вот отчаянный вопль, который раздавался как на улицах и площадях, так и с ораторских и философских кафедр, и притом среди народа образованного и богатого естественными благами жизни. «Нет, – говорит один философ, – вместо того чтобы роптать и страдать, лучше лишиться себя жизни. Отчего ты сам не умеешь покончить с жизнью и с лишениями?»

Даже лучшие люди этого печального и мрачного времени, презирая жизнь и тяготясь ею, спрашивали со скорбью: «Докуда же будет это и скоро ли прекратятся страдания?» Это ужасное состояние полного отчаяния происходило не оттого только, что человек изнемог в борьбе со злом внешней природы, в борьбе за физическое свое существование, а оттого, что у него иссяк источник его духовной жизни, человек уразумел и почувствовал, что он остается только слепой игрушкой страстей и что даже самое грубое и полное служение и преданность этим страстям не могут заглушить в нем сознания тяготы, ненормальности жизни и необходимости лучшего. И эти внутренние, духовные мучения человека, когда он сознает, что не может найти своего истинного пути жизни, что он своей жизнью только опозорил самое достоинство человека, что он утерял свет своей жизни, еще мучительнее и больнее ощущаются человеком, нежели страдания внешние, физические, так как с последними человек может еще бороться и убегать от них, а первые он носит в себе и питает их

своей же жизнью. Вот почему люди пред пришествием Христа Спасителя в страшных муках духовного оскудения жизни, по словам современника, «в безумном отчаянии рвали на себе одежды и валялись на улицах, крича, что они прокляты Богом». Такими страшными последствиями обнаруживало себя ослабление в умах и сердцах людей тех религиозных верований, в которых они раньше находили успокоение. Но тайна этих ужасных мучений и страданий духовных, тайна все усиливающейся неудовлетворенности жизни, равно и тайна окружающего людей мирового зла, от которого они искали убежища в успехах культуры и цивилизации, так и осталась неразрешенной загадкой для языческого мира.

Горько ошибется тот, кто скажет, что теперь-то уже этот стон мировой скорби отошел в область преданий, что нет больше «страды жизни», ибо и в области внешних успехов, и в области умственного развития человек достиг таких результатов, что может испытывать только довольство жизни. Прислушайтесь внимательнее к голосу современных настроений общественной жизни, не вызванных только грозой современных нестроений, а вообще всем укладом и характером жизни, прислушайтесь к тону произведений изящной и художественной литературы, где отражается жизнь с ее настроениями, просмотрите любую газетную хронику – и вы ясно увидите, что и теперь от земли к небу несетя не крик восторженной радости и благодарности, а тот же скорбный вопль тоски и отчаяния, какой несся и прежде. Жизнь общественная и литература, рисующая ее и подчеркивающая насущные злобы жизни, одинаково разворачивают пред нами удручающую обстановку, в которой люди мучаются со своими крупными и мелкими страстями, с болезнями и бедностью, болезненно ищут, где только можно, крупинцы добра и света, часто заблуждаясь и сбиваясь с пути, и мучительно ждуют ответа на вопрос: как же жить и куда нужно идти? Нам думается, что кто знаком хотя бы с произведениями одного из известных современных беллетристов, хотя бы Чехова, тот не будет отрицать высказанной мысли. Ясно, что та же «страда жизни», которая переживалась прежде людьми, переживается ими и теперь, и много ли найдется таких богатых духом и окрыленных надеждой людей, которые бы светло смотрели в будущее, а не вздыхали о прошедшем как о лучшем и счастливом времени.

Знаменательно то в жизни человеческой, что как для каждого человека в частности, так и для всего человечества лучшие, счастливейшие времена, так называемый «золотой век», всегда отодвигаются ко временам седой старины или к летам ранней юности.

И предания всех народов одинаково согласны, что были когда-то на

земле лучшие, блаженные времена, но тайна прекращения этого блаженства и тайна страданий всегда оставались загадкой для человека и теперь еще остаются необъяснимыми для тех, кто ищет их разгадки путем собственных усилий и измышлений. Одно только безусловно ясно для всех и верно, что жизнь человека, и не только человека одного, а и всего мирового бытия, с которым человек непосредственно связан тесными узами и в цепь явлений которого он введен, есть жизнь какого-то искаженного порядка, есть жизнь ненормальная и что так не должно быть. А так как человек всегда руководится в своей жизни и может разумно руководиться только мыслью о том, что должно быть и имеет какой-нибудь смысл, а окружающая человека жизнь и его собственное существование по причине господства зла и страданий кажутся непонятными и бессмысленными, то люди издавна старались объяснить как-нибудь себе это господство зла и страданий в мире и найти в них какой-либо смысл. Ведь бесконечно и невыразимо тяжело человеку сознавать, что он бессмысленно живет, бессмысленно и неизвестно для чего страдает и еще бессмысленнее прекращает свое существование.

Мы не будем подробно касаться тех разнообразных объяснений тайны страданий жизни и зла в мире, какие (объяснения) давали люди, желавшие проникнуть в эту тайну усилиями только своего ума, ибо для жизни важно знать не столько ошибки и заблуждения, сколько правду.

Скажем только, что вне идеи личного Бога для человека, переставшего определять себя и свою жизнь этой идеей личного, живого Бога и потерявшего идеал жизни и спасение в Боге, нет другого выхода, как только поникнуть в сознании своего бессилия пред непонятною тайной мирового бытия, как бытия страданий и скорби, и все уже бытие признать принципиально злым, как это делает буддизм. Буддизм со своим пессимизмом, с учением, что самая жизнь, как процесс извечного развития, есть зло и что нужно погашать в себе самое желание жизни, что небытие лучше бытия, весьма хорошо выражает собой то общечеловеческое состояние, когда люди, переставая сознавать и опознавать свою жизнь и себя в живом, личном Боге, рассматривают себя только в кругу одного этого ограниченного земного бытия, как его частичку. При таком сознании возможны для человека при виде общей «страды жизни» два исхода: или презрение ко всему и к самой жизни, или глубочайшее чувство скорби, горькое отчаяние, когда человек действительно способен бывает с восторгом признать небытие как лучшее и поклониться ему. Вот почему отнять у человека Бога и оставить его одного среди круговорота жизни значит или осудить его на одну чисто

животную жизнь, недостойную человека и не избавляющую его от зла и страданий, или, если это невозможно, осудить его на полный пессимизм и отчаяние. Но ведь в этом признании зла как всеобщего и неизменного закона бытия и жизни и в истекающем отсюда пессимизме не только нет разумного разрешения мучительного вопроса о зле и объяснения его смысла, но уже прямо как бы подчеркивается его бессмыслие и бессмыслие самой жизни.

Не много ли отличаются от буддийского пессимизма, как и от пессимизма новейших философских учений, в этом отношении, т.е. в указании и отыскании смысла зла и страданий, те учения, которые признавали источником зла или Самого Бога, или материальный мир, или даже признавали область и царство зла такой же самостоятельной и абсолютной областью бытия, как и Бога? Ведь и здесь, в сущности, тоже отнимается у человека радость бытия и жизни, и взамен этого ничего не дается, кроме разве той мысли, что и Бог даже бессилен пред злом и, пожалуй, даже подчинен Ему. Но ведь от этого человеку не только не делается легче и не только не находит он примирения со злом и смысла его, а теряет даже и последнюю опору в борьбе с ним, так как, считая Бога бессильным пред злом, человек естественно перестает верить и в силу добра. Вот почему наряду с этими безотрадными и тяжелыми для жизни человека выводами пессимизма некоторые, как бы намеренно закрывая глаза на общую картину мировой жизни, утверждали, что настоящий мир есть мир наилучший из всех возможных миров, а так называемое зло мира и жизни зависит только от ограниченности его, от того, что тварные существа должны постепенно восходить от одной ступени совершенства на высшие, и вот на этом-то пути к полному совершенству всякое прежнее, сравнительное несовершенство переживается как неприятное состояние, как зло и страдание. Но ведь в таком случае, конечно, не будет и конца страданиям и злу, ибо совершенствование человека должно быть бесконечным, и он, значит, вечно должен переживать недовольство и стремление к лучшему и никогда не найдет успокоения. Человек никогда не может помириться с этим жизненным путем своего совершенствования, в котором он как бы постоянно должен переживать все большие и большие муки рождения. Напротив, он ищет и жаждет такого раскрытия и развития своей жизни, чтобы переживать в себе постоянно радость бытия от сознания, что он оправдывает задачу и цель своей жизни и восходит от силы в силу в своих нравственных совершенствах.

Эту радость бытия и жизни, происходящую от сознания человеком того, что он идет путем истинной жизни, и восходит от совершенства к

совершенству, и своей жизнью и личностью раскрывает в мире физическом и условном органическом отобраз Божественных совершенств, и утверждает христианство. Сия глаголах вам, – говорил Спаситель своим апостолам, – да радость Моя в вас будет и радость ваша исполнится³. А говорил Он тоже о скорбях, искушениях и страданиях для апостолов и все-таки утверждал радость бытия и жизни, а не пессимизм и отчаяние. И вы, – продолжает Спаситель, – печаль имате убо ныне: паки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости ваша никтоже возмет от вас⁴. Итак, есть, значит, возможность чувствовать одновременно и радость бытия и жизни, и скорби ее, есть, следовательно, какой-то просвет, куда может человек бодро смотреть и среди окружающего зла, и есть, очевидно, такие состояния духа и такое содержание жизни, пред которыми бледнеет всякое зло, всякая горечь и страдание и переживается только радость своего бытия и сознание этой радости.

Этим бодрящим душу радостным настроением жизни, этим осмысленным взглядом на все жизненные скорби и какую-то удивительной примиренностью со всем происходящим в жизни нашей и окружающей могут примирить и нас с жизнью все эти столь дорогие нам живые образы Серафимов Саровских, Амвросиев Оптинских или созданные творчеством великого писателя образы старца Зосимы и Алеши Карамазова. А ведь ни эти носители радости жизни, ни Сам источник всякой радости – Господь Спаситель – не только не отрицали скорбей, но и прямо утверждали их и считали их неизбежными, более того – необходимыми. Значит, есть в христианстве примирение этих двух как бы несовместимых явлений жизни, есть смысл этих страданий, значит, христианство может и раскрыть тайну, которая искони мучила и мучит человека. Но не тем раскрывает христианство эту тайну страды жизни человеческой, что признает ее напускной или искусственной (напротив, нигде, быть может, не рисуется состояние всего мира и всей жизни человеческой погруженными во зло настолько мрачными красками, как в Библии), а тем, что действительно объясняет происхождение всеобщей суеты жизни и томление духа и указывает ясно, в чем именно человек должен утвердить свою мысль и свою волю, чтобы бодро пройти путь жизни и оценить благо этой жизни.

Христианское Откровение объясняет тайну страданий человеческих и суеты мира грехопадением человека, чрез которое зло, зародившееся в области бытия чисто духовного – в мире ангельском, перенесено было из этой надземной сферы и в область бытия чувственно-духовного, в область жизни человеческой и физического мира. А злом, которое зародилось в

области духовно-разумного, невещественного бытия, в мире ангельском, христианское Откровение называет не физические страдания, которые на самом деле не зло, а то ложное беззаконное направление воли разумных существ, когда они, отрешаясь от Бога, думают самостоятельно созидать свою жизнь, вне зависимости от Бога и в полном отрешении от Него. Зло, говоря кратко и языком святоотеческим, есть ложная и фальшивая сама по себе мысль тварного существа о своей якобы самостоятельности и происходящее отсюда противление воле Божией и тому порядку и закону бытия и жизни, которые положены Богом для жизни и деятельности каждого существа в мире.

Ведь всякое созданное существо и всякое тварное бытие, вызванное к бытию и жизни волею Божией и – признанное Богом зело добрым⁵, постольку может сохранять эту свою первобытную доброту и охранять общую гармонию мировой жизни, поскольку ни на один момент своей жизни не выступает из пределов того закона бытия, который дан ему Творцом мира, и ни на один момент не теряет своей зависимости от Бога, в Котором Одном только он и имеет опору жизни.

Сознать, что я могу жить и вне зависимости от Бога и строить свою собственную жизнь, руководясь только своей волей, – это значит совсем отказаться от жизни и внести в нее полное расстройство и дисгармонию; ибо всякое тварное существо может жить под тем лишь одним условием, если будет сознавать, что творческое слово да будет⁶ и теперь неизменно действует во всем мире и в нем самом для блага всего сущего.

Грехопадение ангелов и грехопадение человека, внесшие собой зло во все области бытия как духовного, так и материального в том и состояло, что и ангелы, и люди захотели быть самостоятельными носителями своих совершенств и жизни, порвали свою непосредственную связь с Богом и пошли по пути своей собственной воли. Дьявол, бывший прежде добрым ангелом, ослепленный своими совершенствами, возомнил, что этот блеск совершенства он имеет не по благодати Творца мира, а в силу собственного своего могущества, и чрез это не устоял в истинном своем бытии, то есть в отношении подчинения Богу, а отделил от себя Бога во имя своей самостоятельности и независимости. Это-то именно фальшивое сознание своей независимости, этот призрак самобытности и извратил в целой части мирового бытия, именно в области духовно-разумного бытия, истинный закон жизни и внес сюда первое явление зла и страданий, которые всегда переживаются и воспринимаются сознанием человека как нарушение гармонии жизни; а где нарушение истины и гармонии, там и зло. И зло поэтому есть не что иное, как воля разумного существа,

действующая в направлении противоположном воле Божией, и независимо от нее. Грехопадение наших прародителей было только дальнейшим распространением этого именно зла – стремления жить независимо от Бога – из области чисто духовной в область мира телесно-духовного.

Библейский рассказ о грехопадении прародителей как причине зла и страданий в мире, в отличие от философских учений, поражает нас удивительной простотой, так что неверующая мысль насмешливо признает его простой сказкой или мифом. Рассказ этот весьма известен с детства; все знают, что прародители наши нарушили Божию заповедь о невкушении плодов с древа познания добра и зла и за это послушание Господь изгнал их из рая, осудив их и всю тварь на суету, страдания, скорби и смерть. По-видимому⁷, такие ужасные следствия, как общее страдание мира, далеко не соответствуют вызвавшей их причине, и библейское объяснение тайны мирового зла представляется очень наивным. В том-то и заключается достоинство и превосходство высшей мудрости, что она умеет просто объяснять глубокие тайны. Да и так ли наивно предлагаемое Библией объяснение тайны греха и страданий человеческих, как это кажется обьюродевшей премудрости человеческой⁸? Ведь мы уже сказали, что благо всякого тварного существа состоит в том, чтобы в своей жизни раскрывать вложенный в него Творцом закон жизни. Все стихии видимого мира дотоле сохраняют общую гармонию жизни, доколе они не нарушают своих собственных пределов и законов деятельности, доколе исполняют выраженную в этих законах общую для бытия всего мира волю Божию и доколе держатся за нее. Неразумные стихии и не могут сами уклониться от деятельности по своим законам, если кто-либо другой их не выведет. Другое нужно сказать о тварях разумных и свободных. В том-то и состоит высшее благо разума и свободы, чтобы не слепо и бессознательно исполнять законы своей жизни, а свободно и сознательно раскрывать в своей жизни ту истину и тот смысл своего бытия, ради которого создано разумно-свободное существо. Ведь и мы всегда более ценим свободное и охотное исполнение добра, а не принужденное и насильственное. Человек должен был по идее творения являть на земле своей жизнью и деятельностью начала жизни богоподобной, должен был низводить на землю и являть чрез себя среди неразумной твари Божий разум и Божию волю, должен был как бы проникать эту неразумную природу началами духовной жизни и через себя возводить ее к Богу. По своему двоякому составу человек действительно мог быть связующим звеном между миром видимым и духовным, ибо по телу он принадлежал к внешнему миру, а в разуме и

свободе заключал отобраз Божества и носил явные знаки своей непосредственной связи с Богом. Эта связь человека с Богом должна быть вечной, так как только при этом условии со стороны человека и внешний мир, хотя и чрез посредство человека, мог как бы озаряться и оживляться светом и силой Божества. Человек, если он хотел являть собою в мире жизнь богоподобную, конечно, ни на одно мгновение и не должен был своим разумом и свободой отделяться от Бога, а вечно должен был переводить волю Божию в свою волю и ею определяться к деятельности – а не своей собственной. Но это определение себя самого в жизни только волей Божией должно быть вполне свободным и добровольным, и вот для этого именно Господь и дал людям заповедь о невкушении плодов с древа познания добра и зла. Конечно, воля Божия могла выразиться и в другой какой-нибудь заповеди, более или менее трудной, но только непременно должна была в чем-либо выразиться, так как только при этом одном условии человек мог избрать или жизнь по воле Божией, или отделить себя от нее и жить уже по своей воле, то есть совершенно сознательно и свободно идти путем богоуподобления как единым истинным путем своей жизни или идти путем самозакония, раскрывать свою деятельность как бы независимо от Бога.

Человек избрал последний путь, то есть не захотел быть подобным Богу, а захотел быть равным Ему, как обещал ему диавол, и с этой лукавой надеждой отверг заповедь Божию, а вместе и волю Божию как закон своей истинной жизни, и утвердил свою собственную волю, и захотел сделаться самостоятельным носителем и строителем своей личной жизни. В данном случае с человеком произошло и повторилось то же самое, что произошло и с диаволом, то есть тот и другой отделили себя добровольно от Бога и через это расстроили общую гармонию бытия, которая должна была поддерживаться всеобщей зависимостью от Бога.

Итак, грех первого человека явился действительным злом и погибелью для него, и в рассмотрении библейского рассказа о грехопадении нужно останавливаться не на внешней только истории его, а на внутренней стороне смысла заповеди и еще на той внутренней стороне духовных настроений воли и разума человека, которая выразилась в нарушении заповеди. Что же могло произойти дальше для человека вследствие нарушения им заповеди Божией?

Когда человек волей и мыслью по соблазну диавола уже отступил от Бога, захотел быть равным Ему и самостоятельным носителем своей жизни, он начал эту свою самостоятельную деятельность ничем иным, как угождением чувственности – вкушением плода запрещенного дерева. И

виде жена, яко добро древо в снедь и яко угодно очима видети и красно есть, еже разумети: и взявши от плода его яде, – говорит Слово Божие⁹, описывая факт грехопадения и те внутренние мотивы чисто животного свойства, которые руководили человеком и которые проснулись в нем сразу же после преступного намерения отступить от воли Божией и охлаждения любви и доверия к Нему.

Таким образом, первый же шаг свободной и самостоятельной деятельности человека, не хотевшего жить по-Божьи, был угождением чувственности, угождением телесным влечениям, которым человек в первом же своем акте свободной и самостоятельной деятельности придал как бы первенствующее значение и поставил их даже выше духовных, тогда как по идеалу жизни дух должен был господствовать над телом и подчинять его себе как орудие деятельности. Но это господство духа над телом могло быть только тогда, когда дух человека сам как бы держался за Бога и через это занимал должное свое положение; отступивши же от Бога и от своего истинного направления и закона жизни, он естественно должен был подпасть в рабство иному закону – «закону плоти и греха», которые (плоть и грех) прежде были бессильны против него, а теперь получили силу и господство. Это господство чувственности и плоти явилось и является для падшего человека обычной стихией и характерным содержанием его жизни и вместе с тем является и как бы проклятием жизни и ужасным бременем, так что даже такие великие силой Божией люди, как апостол Павел, с отчаянием зывали: Окаянен аз человек: кто мя избавит от тела смерти сея¹⁰?

Главное зло в жизни падшего человека в том и состоит, что он внутри себя носит постоянный разлад и вражду, ибо дух человека, отрешенный его собственной волей от Бога, все же томится и жаждет богоподобной жизни как истинной своей жизни, но воля человека не только свела его с высоты богоподобия, но и придала господствующее значение телесным потребностям. Так эти двоякие стремления – духовные и телесные – влекут человека каждое на свой путь, и человек силою первого своего греха принужден волею или неволею подчиняться этим последним стремлениям плоти. И ему необходима снова Божественная сила, чтобы освободиться от этого плена плоти. Хорошо выражает это мучительное бессилие падшего человека к добру и страшный разлад внутри него самого апостол Павел, когда говорит: Желание добра есть во мне и по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; но я плотян, продан греху: доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Когда хочу делать добро, мне прилежит зло; ибо в членах моих

вижу иной закон, противвоюющий закону ума моего и пленяющий меня законом греха¹¹.

И действительно, в жизни падшего человека чувственность и служение ей решительно заявляют себя на протяжении всей мировой истории. И зло, в смысле греха как уклонения от Бога, получило в истории мировой жизни два направления и выражалось всегда, с одной стороны, в развитии духовной гордости, с другой – в развитии чувственности, доводящей человека до скотоподобия. Правда, гордость и чувственность в жизни человеческой неотделимы, и развиваются совместно, и поддерживают одна другую. Так действительно и было: гордый дух падшего человека, отрешенный от Бога, забыл Его, а отсюда и жизнь человека так растлилась, что Господь смыл позор этой жизни потопом. Человек уже не только не являл на земле начал жизни богоподобной, но и сам сделался хуже твари. То же почти господство чувственности и потеря живой связи с Богом повторились и в культурных странах дохристианского язычества. Ибо чем же томилось и мучилось это язычество, как не тоской по идеалу жизни? Ведь заглушить окончательно потребности духа невозможно. И если всмотреться внимательно в культурный прогресс всего человечества, то по тем приступам и настроениям, которыми он проникнут, он и теперь нисколько не двинулся вперед и нисколько не пересоздал жизнь к лучшему, ибо все здесь направлено к тому, чтобы создать только наилучшие условия для своего благополучия, и человек по-прежнему остается рабом своей плоти. В этом отношении очень хорошо охарактеризовал жизнь человеческую один древний мудрец, который предал сердце свое тому, чтобы исследовать и испытать мудростью всё, что делается под небом, и вот он нашел, что всё суета и томление духа. Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем, – говорил этот мудрец¹².

И действительно, на том пути жизни, которым идет падшее человечество, оно и не может создать действительно ничего нового и истинно ценного, ибо весь труд человека и вся его работа вечно определяется только страхом смерти и заботой в поисках блага жизни; но все-таки человек ни смерти не избегает, ни блага жизни не находит, ибо ищет его на пути разрушения своей истинной жизни и ищет опоры в том, что само условно и скоропреходяще. И сколько бы человек ни трудился, сколько бы он ни полагал сил духа на отыскание внешнего блага жизни, он никогда не может найти на этом пути покоя – с одной стороны, потому, что та внешняя среда жизни, в которой живет человек, носит на себе иго проклятия Божия и расстройств, а с другой стороны, и сам человек носит

внутри себя постоянный источник мучений; ибо ведь, устраивая свою жизнь по закону только чисто телесного существования, человек, однако, сознает себя не плотью только и животным организмом, но и духом. Ему поэтому нужно удовлетворение не телесных только потребностей, но и духовных, и притом удовлетворение полное, а это удовлетворение возможно только в Боге. И несомненно, в чисто воспитательных и благих целях обрек Господь всю тварь, по падении человека, на суету и томление – с той целью, чтобы человек познал горьким опытом жизни невозможность найти покой и благо в этой общей суете и, обессиленный в тщетной борьбе со стихиями мира, носящими следы Божия осуждения, сам уже отвратился от них и взыскал Бога.

Может быть, покажется непонятным и странным, за что же Господь отдал под суету и проклятие внешнюю природу, когда виновен был только один человек. Но ведь это расстройство и проклятие внешней природы, по слову Божию, только «в делах человека»¹³, а не в самой себе, а воздыхание ее и болезнование¹⁴ так же должны быть естественны, как расстройство и замешательство в действовании какой-нибудь сложной машины, когда в нее прекращен нормальный доступ или приток той энергии, которой она движется. Ведь и в данном случае через свое отпадение от Бога человек как бы разорвал ту связь, которая связывала и возводила внешний мир к Богу и низводила на этот внешний мир величие и силу разума Божия и Ею воли.

Сам человек и связанный с ним внешний мир отделились по вине человека от Бога, и ни тот, ни другой не могут жить нормальной и истинной жизнью. А так как из всех видимых тварей один только человек может не только сознавать суету и ненормальность такой жизни, то его жизнь и является по преимуществу страдой и томлением духа. И если бы не было для человека указано какого-либо выхода и примирения с этой суетой, то всякому, конечно, осталось бы только сказать то же, что говорит Экклезиаст: И возненавидел я жизнь, потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем... И возненавидел я весь труд мой, которым трудился под солнцем, потому что должен оставить его человеку, который будет после меня... Ибо что будет иметь человек от всего труда своего?.. Все дни его – скорби, и его труды – беспокойство; даже и ночью сердце его не знает покоя... ибо всё суета и томление духа¹⁵.

Христианство, однако, не допускает человека до подобного мрачного вывода из наблюдений жизни, и тот же самый библейский мудрец, слова которого сейчас только приведены, указывает и объяснение этой суеты жизни, и выход из нее. Я нашел, – говорит этот мудрец, обзревая суету

мира, – что Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы¹⁶. То есть сами люди исказили свою жизнь, так как вместо мысли о едином Боге и вместо искания Его измыслили себе новые пожелания и заботы; и вот, если кто желает утвердиться снова в истине бытия и жизни, то выслушай сущность всего: бойся Бога и заповеди Его соблюдай, ибо в этом всё для человека¹⁷.

Таким образом, Божественное Откровение, объясняя тайну греха и страданий человеческих и страды всего мира, причину их указывает в самом человеке, в его грехопадении, которое положило как бы бездну разделения между ним и Богом и отдало человека во власть диавола.

Объясняет ли достаточно эту тайну греха и страданий библейское повествование о грехопадении человека и ангелов и выражает ли оно истину – это дело совести каждого, а мы считаем нужным в заключение сказать, что в предании всех языческих народов потеря человеком блаженства или так называемого «золотого века» представляется буквально в таких же чертах, как и в Библии.

Так, например, на одном из древних вавилонских памятников сохранилось изображение такого рода: мужчина и женщина сидят друг против друга по обеим сторонам дерева, на нижних ветвях которого свесились два больших плода. Фигуры этих людей изображены с руками, протянутыми к этим плодам; позади одной из человеческих фигур, именно женской, стоит вертикальная линия, напоминающая фигуру змия. Этот рисунок не нуждается ни в каком объяснении и явно служит изображением библейского рассказа о грехопадении. В тех же вавилонских преданиях часто упоминается о «древе жизни», об особенном саде, где жил человек, о том, что этот сад охранялся мечом, вращавшимся во все стороны; явно здесь напоминание о библейском рассказе. То же самое почти, что у вавилонян, повторяется и в финикийских преданиях, в египетских, в персидских и в мифологии греков и римлян.

Это поразительное согласие преданий древних народов о грехопадении человека с Библией явно утверждает истинность библейского сказания и показывает, что человек, если он желает разрешить мучительную для него тайну зла мировой жизни, должен искать разрешения в Божественном Откровении. Это тем более, что Божественное Откровение, объясняя причину страданий жизни, не оставляет человека только в сознании неизбежности зла, а дает ему и надежду на спасение, указывает на отраду и радость бытия в Боге и с Ним.

В тайне искупления человека от греха, проклятия и смерти Сыном Божиим христианство раскрывает тайну претворения страды жизни, ее

суеты и томления во благо жизни. Но почему и искупленный человек, поверивший словам Господа: Приидите ко Мне еси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы¹⁸, – все-таки должен страдать и как, однако, при этом он все-таки может чувствовать радость бытия, – для объяснения этого необходимо раскрыть самую тайну искупления и выяснить, как человек может снова делаться сыном Божиим и новым созданием во Христе.

Скажем только: слезы нужны человеку в земной его жизни; труд, болезни, печали и воздыхания составляют без всякого ограничения то средство, которым грехи и зло в роде человеческом не заходят еще в пределы чисто сатанинского озлобления; слезы нужны человеку, ибо они размывают собою туман и призрак человеческой самодовлеемости, обнажают смертоносный покров похоти плоти, очес и житейской гордости¹⁹. Разрешите человека от слез, от труда и болезней, возьмите самую смерть от земли и предоставьте человека только самому себе – и вы увидите в нем такое чудовище, страшное и жалкое вместе, образ которого трудно и представить. Что, в самом деле, было бы тогда с человеком? Сперва, конечно, человек упьется похотью, дойдет в ней до утонченности, изобретет новые и новые виды ее – а все-таки эта похоть будет иметь конец; должны начаться или новые изобретения ее, или повторение. Но докуда же будет это?! Тогда люди, вероятно, в бессмертии своем сами пожелают смерти как верховного блага, чтобы только прекратить эту позорную жизнь.

Господь отрет от нас действительно всякую слезу и скорбь – но только мы сами должны служить не похотям нашим, а претворять нашу жизнь любовью Божией, низводить любовь эту в нашу жизнь и сделать ее общим дыханием всей нашей жизни. Ибо как через послушание наше вся тварь воздыхает и болезнует, так и через обновление наше обновится и вся тварь.

Дополнение к вопросу о страданиях²⁰

В тайне искупления человека от греха, проклятия и смерти Крестом Сына Божия христианство раскрывает тайну претворения страды жизни, ее суеты и томления во благо жизни. И Церковь Христова давно уже проповедала в лице Господа «обновление жизни», объявила уже наступившим лето Господне приятно и даже более: положительно утвердила, что это уже сбылось воочию людей²¹. Правда, наличный опыт жизни человеческой – и в истории целых христианских народов, и в сфере деятельности отдельного человека – разительно ясно, однако, утверждает, что лета приятна все еще приходится только страстно ждать и искать, и искупленный человек, поверивший словам Господа: приидите ко Мне еси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы, – все-таки, как мы сами знаем, страдает и должен даже, по словам Господа, страдать непременно. Слово Христовой проповеди и слово евангельского учения есть даже слово по преимуществу о страданиях и скорбях, есть слово наипаче о Кресте Христовом и о Христе распятом.

Может ли человек в христианском освещении смысла жизни из целого круга тех идей и понятий, которыми обогатило его мысль христианское Откровение, найти нечто такое, что сделало бы для него страдания если уж не удобоприемлемыми без внутреннего протеста чувства, то хотя подвигом во имя какой-либо высшей цели, достаточной для их оправдания и примирения с ними? – Несомненно, может.

В христианстве есть, несомненно, нечто отрадное, есть нечто такое, что заставляло апостола кровью свидетельствовать правду тех своих слов, что он желает и может хвалиться ничем иным, как только Крестом Христовым, т.е. страданиями и смертью своего великого Учителя, и что слово о Кресте и самый Крест есть воистину сила во спасение всякому человеку, уверовавшему в этот Крест. Не может быть, чтобы слова того же апостола, что мы, христиане, хвалимся скорбями, что и сам он желает хвалиться только немощами своими, есть слова болезненно извращенного религиозного чувства. Не может быть, чтобы сонм мучеников тоже являл собой что-то болезненное и извращенное.

Ясно, что и Сам Христос, и Его апостолы хотя и утверждают страдания жизни, но придают им какой-то особый, высший смысл и заставляют человека находить в них этот высший смысл, находить в них какую-то высшую правду и в этих самых страданиях искать пути к лучшей жизни.

Так именно это и должно быть для нас, званых ко Христу, и всякое другое отношение к страданиям и обычное понимание их только представит нам жалким христианское учение. Не соблазн и не безумие, подобно неверным язычникам и иудеям, должны мы находить в этом, а действительно высшую силу и высшую премудрость. Правда, тайна нашего спасения, премудрость и тайна нашего блага и обновления жизни скрыта была и недоступна даже высшему уму ангельскому; но теперь, когда она совершилась, можно ли сказать, что для нас она по-прежнему сокрыта? Можно ли сказать, что хотя часть завесы над этой тайной не поднята? Если так, то мы несчастнее всех человеков²², ибо, оставив свой разум и мудрость и восприяв ум Христов, все-таки блуждаем во мраке и неведении.

Только намеренное и произвольное ослепление может утверждать, что завеса не поднята над тайной всей мировой скорби и суеты. Поднята эта завеса и над тайной наших страданий, открыт в христианстве и их источник, и конечная цель, равно как указано и то отношение к ним, та точка зрения, при которой они и воспринимаются, и переносятся не как иго бессмыслия и бесцельной тяготы, а даже как иго благое, как торжество духа и величие человека. Может быть, тем самым и мучится человек, тем он и погрешает в вопросе о страданиях жизни, что борется и отрицает то, что неизбежно, чего по самому существу дела при наличных условиях жизни нельзя отрицать, – разумеем эти самые страдания. А христианство, может быть, тем и открывает тайну страданий, что, указывая принципиально их источник, и главным образом внутренний – в природе духовной человека, – заставляет в то же время проще смотреть на них и относиться к ним проще в опыте наличной жизни; оно заставляет сознательно принять их как действительно неизбежный закон жизни в ее наличных условиях, а не отвращаться и бегать от них, заставляет при этом принять их не ради их самих только, а ради высшей любви, непременно ради любви – или к Богу, или к ближнему.

Вот этого именно смысла страданий и этого отношения к ним, – что они должны быть добровольным подвигом самоотверженной любви, непременно вольным подвигом и подвигом именно высшей любви и высших благородных начал жизни человеческой, – и не может, и не хочет признать мир. Ибо он привык любить только себя – и любовью больше плоти и сластолюбия, любовью к тем внешним явлениям наличной жизни, которые составляют приятный мираж его жизни. Эта мысль, которую мы хотим утвердить как чисто христианскую, по вопросам о страданиях жизни, думается, имеет за себя весь наличный опыт самого же человека и

тысячи отдельных примеров для подтверждения; не чужда она и чисто психологической правды. Что, в самом деле, в обычной жизни – общественной и частной – побуждает людей идти на страдания, воспринимать их целиком и не только не тяготиться ими, но находить в них высший смысл, высшую свою гордость и торжество духа своего? – Да опять та же любовь: к Отечеству ли, к идее ли, к родным, к богатству ли даже или к чему-либо иному, – та именно высшая в человеческой природе сила, которая ставит человека на пьедестал свободного деятеля и творца жизни. Так значит, и в обычной жизни на каждом почти шагу мы можем видеть, что любовь и свобода осмысливают страдания, дают им иной характер и высшую цену; мало того, эти самые страдания как подвиг свободы и любви переходят в историю, делаются достоянием человечества и предметом или просто удивления, или даже преклонения.

Этот вот именно закон и хочет утвердить христианство в качестве общего принципа отношения к страданиям, и говорит, что это единственно истинный закон в наличных условиях жизни, осмысливающий эти страдания и открывающий в них высшую правду и свет, – именно закон добровольного свободного восприятия всей тяготы жизни, всех страданий ее во имя высшей любви. Правда, кажется, не все могут так страдать, не все могут и воспринимать страдания жизни по этому именно закону; ибо есть страдания, которые особенно кажутся странными, над разгадкой которых мучились даже лучшие и чисто христиански настроенные великие умы, как Достоевский, – это страдания детей. Уж дети-то никак, конечно, не могут осмыслить и примириться со страданиями по тому закону отношения к ним, какой указывает христианство, по той простой причине, что ясного сознания свободы своей личности и самоопределенной любви у них еще нет. Но ведь в том круговороте скорбей и страданий и слишком сложной спутанности цепи причин и следствий, из которых слагается жизнь, трудно без высшего проникновения в жизнь разобраться в этой спутанности, трудно сразу и понять эти страдания невинных детей.

Чьи, собственно, эти страдания, чем они обуславливаются, что они вызывают в нас и что должны бы вызывать, – вот в этом прежде всего нужно разобраться. И потом там, где наряду со страданиями есть и должно быть сострадание, и там, куда необходимо внести высший нравственный смысл и оценку, там, конечно, все получит должное освещение и свое место. Так и страдания детей, где нет еще и не может быть подвига свободы и высшей любви со стороны самих детей, может быть, получают смысл и откроют свою тайну, если по крайней мере те, кому дано благо

свободного творчества своей жизни во имя любви, поставят это неизменным законом своей личной жизни.

А жизнь ясно говорит нам в живых примерах, как звучат эти самые страдания в личной жизни тех, кто воспринял их в качестве свободного подвига ради высшей любви. Что можно сказать о настроении духа апостола Павла, когда он открыто говорит: Благоволю в немощех, в досаждениях, в скорбех и темницах... мне еже умрети, приобретение²³? Не раскрыта ли теперь эта тайна и смысл страданий в жизни целого сонма мучеников, исповедников, преподобных и всякого рода подвижников? Не раскрыта ли она во всех этих словах апостолов: Всяку радость имейте, егда во искушения впадаете ... всегда радуйтесь, непрестанно... о всем благодарите²⁴ и т.п.

Вот почему Христос и сказал, что каждому нужно не бегать страданий и не заглушать их путем искусственно создаваемого миража якобы благ жизни, а нужно каждому взять на себя вольною волею крест своей жизни и следовать за Ним именно, т.е. по пути добровольного, свободного восприятия и несения страданий ради высшей любви.

Но еще вопрос: есть ли какая-нибудь возможность так воспринять в свою личную жизнь страдания, как учит христианство, то есть как свободный и сознательный подвиг жизни во имя любви и во имя нравственного совершенствования? Разумею возможность, конечно, психологическую, которая одна только в данном случае и имеет значение.

Такая возможность, несомненно, есть и заключается она в том внутреннем духовном настроении человека, которое можно определить как сознание своей виновности пред Богом. Даже ведь обычная психология преступников, раскаявшихся и сознавших свой грех и преступление, такова, что непременно хочется страдать. Есть в человеке какая-то внутренняя потребность выстрадать за совершенное преступление самое право на новую, чистую человеческую жизнь. И эти уже чисто добровольные муки и страдания воспринимаются не столько как тяжесть и тем более не как бессмысленное мщение правосудия, а как бы только законные муки нового духовного рождения; и в отношении к ним не только чувствуется примиренность, но и благодарность. Нет ничего, кажется, тяжелее, как жить на положении только прощенного преступника и грешника; хочется непременно выстрадать законное право на жизнь. Это – психологическое требование самой природы человека, когда в ней просыпается совесть и истинная человечность, и едва ли это можно относить только на счет самолюбия и гордости. Здесь выражается то самое, что Псалмопевец выразил в словах: благо мне, яко смирил мя

еси²⁵, или апостол Павел, когда говорил: благоволю в немощех... в изгнаниях²⁶, в скорбях, – ибо поскольку внешний человек тлеет, постольку внутренний обновляется²⁷; а посему и самая смерть – величайшее из зол – является даже приобретением²⁸.

Это значение страданий и добровольное, даже радостное, принятие их, сознание необходимости добровольно пострадать за преступление особенно хорошо выражено у Достоевского; припомните беседы Сони Мармеладовой с Раскольниковым и тот процесс нравственного возрождения, который пережил Раскольников, поняв наконец смысл страданий. А ведь в системе христианского мировоззрения или, лучше сказать, в сфере христианского настроения и живой веры, если кому дает ее Господь, мы все мыслимся и можем чувствовать себя преступниками за зло и страдания – как извратители Божьего порядка и закона о нашей жизни, виновные в этом извращении и как бы убийстве богоподобия не только в праотце своем, но и в личной жизни своей, разрушающей дело Божие и Его Царство и создающей царство диавола. Вот почему христианская жизнь и должна начинаться с покаяния и слез как сознания греха и своей виновности пред Богом.

Припомним проповедь Предтечи и Христа Спасителя, которой они начали дело благовестия, и опыт подвига жизни всех носителей христианской жизни. Это есть первое дело – даже более благодати Божией, нежели собственных усилий человека. Но зато [у кого] оно есть, кто в христианстве находит это как бы прозрение и восприятие в чувстве того, что выражено в догмате о добровольном грехопадении человека, для того не только делается понятна тайна страданий, но и является возможность осмыслить эти страдания, примириться с ними и воспринять их как подвиг нравственного возрождения в чувстве свободной любви к Богу и Христу, страдавшему за нас – преступников и грешников.

Так в системе христианского мировоззрения, или, лучше, – в сфере христианского настроения, воспринимающего христианство не как систему мысли, а как жизнь, определяется и причина страданий и зла, и смысл их, и возможность не только примирения с ними, но даже то, о чем вне христианства и подумать нельзя, – похваление скорбями²⁹. Там, вне христианства, в отношении к страданиям – или отчаяние и пессимизм, или проклятие жизни по невольности и неизбежности страданий, или пошлая попытка заглушить их распутством жизни. В этом отношении факт примиренности со страданиями, какую дает нам христианская жизнь, факт, засвидетельствованный опытом, есть явление исключительное в своем роде, и в решении вопроса о страданиях нужно отправляться по

преимуществу от этого исключительного факта. Скажем прямо в заключение, что помимо христианского сознания или, вернее, вне сферы живой христианской веры, внутреннего настроения и опыта верующей личности, вопрос о зле и страданиях неразрешим с благоприятными выводами для человеческого ума, и примириться с ними невозможно. Пусть говорят (а это говорят), что христианский Бог слишком жесток, что никто так не бьет человека, как Он: мы можем на это сказать, что радость жизни, получаемая муками рождения, дороже этих скорбей, а это рождение и жизнь и дает наш Бог – и только Он один.

Итак, по вопросу о страданиях можно сказать следующее:

проблема зла и страданий есть вековая проблема человечества, без решения ее история человечества не имеет смысла, да и самая жизнь разумно невозможна;

единственно удовлетворительное решение этой проблемы дается в системе христианского мировоззрения;

зло и страдания есть состояние искаженного порядка жизни, и виновник этого искажения в земной жизни – сам человек; при этом понятия зла и страданий вовсе не однозначны: зло – понятие чисто моральное, а страдания сами по себе – вне области понятий добра и зла, хотя и могут быть причиной добра и зла в зависимости от воли человека;

нужно сознать себя виновными и преступными пред Богом за зло и страдания жизни и в чувстве виновности воспринять эти страдания в добровольный подвиг своей жизни. Тайна Креста Христова и благодати его в том и заключается, что сильна создать подобное настроение и не только примирить и осмыслить страдания, но и сделать их источником радости. Это показывает живой опыт всех носителей правды Христовой. Внутренний опыт живой верующей личности и есть та единственная сфера, в которой совершается и решение вопроса о страданиях, и примирение с ними. Так опять и здесь, как и во всем, что касается нашей жизни, открывается тайна личности человеческой как силы, претворяющей саму жизнь. И ясно, что человек должен сознать, что с периферии жизни, с внешней окружности ее, он должен обратиться внутрь себя и здесь искать блага и радости жизни; здесь же кроется и отрицание их. А слово о Кресте Христовом как о вольно подъятом подвиге Христа ради высшей любви вещает нам не юродство и безумие жизни, а высшую мудрость легкого несения жизненных скорбей³⁰. И слово это, сияя над нами светом высшего смысла жизни и силой живой сострадательной и самоотверженной любви к Богу и ближнему, может сказать нам, почему же лето приятно еще не наступило, может указать и путь к нему, да и

указывает его. Вопрос о вечности мучений, смущающий человека даже и в системе христианского вероучения, есть, во всяком случае, дело не ума нашего, связанного категориями времени и самую вечность понимающего, несомненно, под точкой зрения категорий времени и пространства.

Нам, кажется, достаточно ясно указано, как решить этот вопрос практически в приложении к себе, то есть как избежать этой вечности мучений и снять с Бога вину жестокости по отношению к нам самим; попытка решить этот вопрос в приложении к бытию вообще или в отношении к иному бытию, с целью даже как бы оправдать Бога в планах творения, есть уже дерзновенное навязывание Божию уму своих планов и положений богословствующего нашего ума и данные только нашей догматики выводить за пределы домостроительства спасения человеков. А по поводу тех, которые в ложной скорби за весь мир и спасение его стали бы сами пренебрегать своим спасением и делом любви к Богу, можно сказать, в предостережение их, то же, что сказал один мудрый христианский муж вопрошавшему его о том, что делал Господь до творения мира. Он отвечал: «Готовил бездну для любопытствующих об этом самом».

Зло и грех

Протопресвитер Михаил Помазанский

Протопресвитер Михаил Помазанский родился 7 ноября 1888 года (в канун праздника Архангела Михаила) в селе Корусть Ровенского уезда Волынской губернии. Родители его происходили из потомственных священнических семейств. Окончил Волынскую духовную семинарию и Киевскую духовную академию. До 1917 г. преподавал церковнославянский язык в Калужской духовной семинарии. После закрытия семинарии со своей семьей (он женился на дочери священника Вере Федоровне Шумской, и у них было несколько детей) вернулся в родные места на Волынь, которая в то время входила в состав Польши. С 1920 по 1934 г. преподавал в Ровенской русской гимназии, сотрудничал с церковными издательствами. В 1936 г. принял священство и до 1944 г. состоял в клире Варшавского собора. К концу Второй мировой войны о. Михаил с семьей оказались в Германии.

В Германии о. Михаилу было поручено издание официального печатного органа Русской Зарубежной Церкви «Церковная жизнь», и он этим занимался до своего отъезда в Америку в 1949 году.

С этого времени он проживал при Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле, преподавая в семинарии греческий и церковнославянский языки и догматическое богословие. О. Михаил является автором множества публикаций; наибольшей известностью из множества его работ пользуется «Православное догматическое богословие». Скончался 4 ноября 1988 года.

О. Серафим (Роуз) в статье о протопресвитере Михаиле Помазанском отмечает его «уникальность» среди современных православных богословов как представителя дореволюционной богословской академической школы и выразителя Православия, укорененного в столетних традициях. Еще в возрасте 90 лет он писал богословские сочинения.

Ниже публикуются «Главы вступительные к отделу “О Боге – Спасителе мира”» из «Православного догматического богословия».

Зло и грех в мире

Зло и бедствия. Злом называются в обычном нашем словоупотреблении явления двух родов. Часто понимаем под этим словом вообще все то, что вызывает бедствия и причиняет страдания. В другом же смысле, более точном и прямом, злом называются отрицательные явления нравственного порядка, зависящие от дурного направления воли и от нарушения Божеских законов.

Что касается бедственных явлений в мире физическом, каковы, напр., землетрясения, бури, наводнения, обвалы и пр., то ясно, что сами по себе они не являются ни добром, ни злом. В общей мировой системе они составляют то, что в живописи при светлых красках тени, что в музыке при мягких звуках грубые и т.п. Так представляют нам эти явления святые отцы, например, блаженный Августин, Григорий Богослов. Нельзя отрицать, что стихийные явления становятся часто причиной бедствий и страданий для чувствующих тварей и для человека. Однако должно преклониться с чувством благоговения перед премудрым устройством мира, где бесконечно разнообразные, противоположные, в каждый момент сталкивающиеся друг с другом стремления слепых стихийных сил и органических тварей согласуются, приводятся к гармонии и становятся источником непрерывного развития и обновления в мире.

Страдания и грех. В некоторой степени неприятные, теневые стороны нашей человеческой жизни делают для нас более ощутимыми и более ценными радостные стороны жизни. Но само Слово Божие говорит нам, что тяжелые страдания и болезни не могут быть признаны явлениями совершенно закономерными и нормальными и представляют собой сдвиг с нормы. Страдания в роде человеческом начались с появлением нравственного зла и явились следствием вошедшего в нашу жизнь греха. Об этом свидетельствуют первые страницы Библии: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей – слова, обращенные к Еве после грехопадения; проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей – слова, сказанные Адаму³¹. Страдания даны людям как средство наказания, вразумления и исправления людей; страдания и сама смерть, по выражению св. Василия Великого, «пресекают возрастание греха». Многочисленные примеры сознания связи между страданием и грехом как следствием и его причиной дает нам Слово Божие³². Благо мне, что я пострадал, дабы научиться уставам Твоим³³. Само по себе внимательное

наблюдение показывает, что виновниками болезней и страданий в подавляющем количестве случаев бывают сами люди, создавая искусственные, ненормальные условия для своего существования, внося жестокую взаимную борьбу в погоне за собственным, эгоистическим, физическим благополучием, а то и прямо, по причине некой демонической настроенности, гордости, мстительности и злобности.

Как поучает Слово Божие, следствия нравственного зла распространяются от людей и на животный мир, и на всю тварь. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стонает и мучится донныне, – пишет апостол Павел и объясняет: потому что тварь покорилась суеде не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих³⁴.

Сущность³⁵ нравственного зла. Святые отцы указывают, что зло не есть какая-либо сущность, которая имела бы действительное самостоятельное бытие, подобно созданным Богом элементам и силам мира; оно есть только уклонение живых существ от того состояния, в которое поставил их Творец, в состояние противоположное. Поэтому не Бог виновник зла нравственного, но оно исходит от самих существ, уклоняющихся от согласования своей воли с волей Божией. Сущность зла состоит в нарушении воли Божией, заповедей Божиих и того нравственного закона, который написан в совести человека. Это нарушение называется грехом.

Происхождение зла. Откуда же возникло нравственное зло? Бог создал мир чистым, совершенным, свободным от зла. Зло вошло в мир вследствие падения, которое произошло, по данным Слова Божия, сначала в мире бесплотных духов, а затем в роде человеческом и отразилось во всей живой природе.

Падение в мире ангельском. Мир темных и злых духов

По свидетельству Слова Божия, начало греха идет от диавола. Кто делает грех, тот от диавола, потому что сначала диавол согрешил³⁶. Слово «диавол» значит «клеветник», из сопоставления указаний Священного Писания видим, что он один из разумных духов – ангелов, уклонившихся на путь зла. Обладая, как все разумные существа, свободой, данной ему для совершенствования в добре, он в истине не устоял и отпал от Бога. Спаситель сказал о нем: Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи³⁷. Он повлек за собой падение других ангелов. В посланиях апостола Иуды и апостола Петра читаем об ангелах, не сохранивших своего начального достоинства, но оставивших свое жилище³⁸.

Что было причиной грехопадения в мире ангельском? Из того же Божественного Откровения заключаем, что причиной была гордыня. Ибо начало греха – гордость, – говорит сын Сирахов³⁹. Апостол Павел, предостерегая апостола Тимофея от поставления в епископы из новообращенных, прибавляет: чтобы не возгордился и не подпал осуждению с диаволом⁴⁰.

О злых духах в Ветхозаветном Откровении упоминается только в некоторых местах. Эти места следующие. В третьей главе книги Бытия читаем о змее – искустителе первых людей. В первой главе книги Иова рассказывается о действиях сатаны в жизни праведного Иова. В Первой книге Царств сообщается о Сауле – что им владел «дух лукавый», когда отступал от него «дух Господень». В Первой книге Паралипоменон читаем по поводу возникшей у царя Давида мысли сделать перепись народа, что это восстал сатана на Израиля, и возбудил Давида сделать счисление Израильтян?⁴¹. В книге пророка Захарии сказано о видении Захарии первосвященника Иисуса – что Иисусу противодействовал диавол⁴². В книге Премудрости Соломона говорится: завистью диавола вошла в мир смерть⁴³. (Также во Втор. 32:17: приносили жертвы бесам, а не Богу, Пс. 105:37: приносили... в жертву бесам).

Несравненно полнее представлены действия сатаны и его ангелов в Новозаветном Откровении. Из него знаем, что сатана и злые духи неустанно влекут людей к злу. Сатана дерзал искушать самого Господа Иисуса Христа в пустыне. Злые духи вторгаются в души и даже в тела людей, о чем свидетельствуют многие события Евангелия и учение

Спасителя. О вселении злых духов в людей знаем из многочисленных исцелений Спасителем бесноватых. Злые духи как бы подстерегают беспечность человека, чтобы увлечь его к злу. Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит; тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел. И, придя, находит его незанятым, выметенным и убранным; тогда идет и берет с собой семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого⁴⁴. По поводу исцеления скорченной женщины Спаситель сказал начальнику синагоги: Сию же дочь Авраамову, которую связал сатана вот уже восемнадцать лет, не надлежало ли освободить от уз сих в день субботний?⁴⁵

Священное Писание называет злых духов также духами нечистыми, духами злобы, бесами, демонами, ангелами диавола, ангелами сатаны. Главного же из них, диавола, называет также искусителем, сатаню, веельзевулом, велиаром, князем бесовским и другими именами; также денницею.

Диавол, принявший образ змия, был искусителем и виновником грехопадения первых людей, как об этом повествует третья глава книги Бытия. В Апокалипсисе он называется великий дракон, древний змий⁴⁶.

Диавол и его ангелы лишены пребывания в светлых небесных обителях. Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию⁴⁷. Низверженные из горнего мира, диавол и его слуги действуют в мире поднебесном, среди людей на земле, и как бы взяли в свое обладание ад и преисподнюю. Апостол называет их началами, властями и миродержителями этого века⁴⁸; диавола – князем, господствующим в воздухе⁴⁹, и его слуг, падших ангелов, – духами злобы поднебесными⁵⁰.

Грехопадение людей

Почему было возможно грехопадение людей? Тремя величайшими дарами наделил человека при создании его Творец: свободой, разумом и любовью. Дары эти необходимы для духовного роста и для блаженства человека. Но где свобода, там возможно колебание при выборе, возможен соблазн. Соблазн для разума – возгордиться умом; вместо познания премудрости и благости Божией искать познания добра и зла вне Бога; возжелать самому быть «Богом». Соблазн для чувства любви – вместо любви к Богу и ближнему любить самого себя и все то, что удовлетворяет низкие желания и дает временные наслаждения. Эта возможность соблазна и падения стояла перед человеком, и первый человек перед нею не устоял.

Воспользуемся мыслями на эту тему о Иоанна Кронштадтского. «Почему Бог допустил, – пишет он, – падение человека, Своего любезного создания и венца всех тварей земных? На этот вопрос надо отвечать так: что если бы не допускать человека до падения, то его не надобно было создавать по образу и подобию Божию, не давать ему свободной воли, которая есть неотъемлемая черта образа Божия, а подчинить его закону необходимости, подобно бездушным тварям – небу, солнцу, звездам, земному кругу и всем стихиям, или подобно бессловесным животным; но тогда на земле не было бы царя земных тварей, разумного песнословца Божией благости, премудрости, творческого всемогущества и промышленности; тогда человек не мог бы ничем доказать своей верности и преданности Творцу, своей самоотверженной любви; тогда не было бы подвигов борьбы, заслуг и нетленных венцов за победу, не было бы блаженства вечного, которое есть награда за верность и преданность Богу и вечное упокоение после трудов и подвигов земного странствования».

История грехопадения. Бытописатель не сообщает, долго ли жили прародители блаженной райской жизнью. Говоря об их падении, он указывает, что не сами собой они пришли к соблазну, а были в него введены искусителем.

Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю? И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. И сказал змей жене: нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы

будете, как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел⁵¹.

Церковь христианская всегда разумела под змеем-искусителем диавола, который принял образ змея, наиболее соответствующий характеру вкрадчивости, изворотливости и ядовитости искусителя. Для такого понимания есть ясные слова Самого Господа о диаволе: Он был человекоубийца от начала⁵². В Откровении Иоанна Богослова он назван великим драконом и древним змием⁵³. В книге Премудрости Соломона сказано: Завистью диавола вошла в мир смерть⁵⁴.

В чем была греховность вкушения плода? Преступление прародителей состояло в том, что, соблазненные змеем, они нарушили прямую заповедь Божию – не есть от запрещенного дерева. Исполнение этой заповеди выражало и послушание Богу, и доверие словам Божиим, и смирение, и воздержание – сумму простых и естественных добродетелей. Вкушение сразу повлекло за собой сумму печальных нравственных и физических последствий.

Нравственные следствия грехопадения. Вкушение плода было только началом нравственного уклона, но уже таким явственным и губительным, что в нем обнаружилась невозможность вернуться к прежней святости и праведности и, наоборот, обнаружилась склонность идти дальше по пути отступления от Бога. Это сказалось в том, что они сразу заметили, что они наги, и, услышав в раю голос Божий, скрылись от Бога, и, оправдываясь, только увеличивали свою вину. В ответах Адама Богу видно сначала желание уйти от очей Божиих и попытка скрыть свою вину; и неправда в словах, что он скрылся от Бога только потому, что он наг; потом попытка самооправдания и желание переложить свою вину на другого – на свою жену. «Здесь была, – говорит блаженный Августин, – и гордость, потому что человек восхотел находиться во власти более своей, нежели Божией; и поругание святых, потому что не поверил Богу; и человекоубийство, потому что подвергнул себя смерти; и любодеяние духовное, потому что непорочность человеческой души осквернена убеждением змея; и татьба (воровство), потому что воспользовался запрещенным деревом; и любостяжание, потому что возжелал большего, нежели скольким должен был довольствоваться».

Так, с первым преступлением заповеди, сразу вошло в человека начало греха, «закон греха» – *nomos tis amartias*. Оно поразило самую природу человека и быстро стало в нем укореняться и развиваться. Об этом греховном начале, вошедшем в природу человека, апостол Павел

пишет: Знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу... Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих⁵⁵. В человеке греховные наклонности приняли господствующее положение, он стал рабом греха⁵⁶. В нем помрачились ум и чувство, поэтому и сама нравственная свобода стала часто склоняться в нем не к добру, а к злу. В глубине побуждений жизненной деятельности человека оказались – похоть и гордость. О них читаем в Первом послании Иоанна: Не любите мира, ни того, что в мире... Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего⁵⁷. Плотская похоть – ослабление власти духа над телом, подчинение низшим, плотским желаниям; похоть очей – ложные кумиры и привязанности, жадность и алчность мирская, зависть; гордость – самомнение, эгоизм, превозношение, презрение к другим людям, к слабейшим, любовь к себе, тщеславие.

И современные психологические наблюдения приводят исследователей к выводу, что похоть и гордость (жажда превосходства над другими) являются главными рычагами стремлений современного падшего человека, даже когда они глубоко скрыты в душе и не выступают вполне в сознании.

Физические следствия грехопадения. Физическими следствиями явились болезни, тяжелый труд, смерть. Они были естественным результатом падения нравственного, разобщения с Богом, отхода людей от Бога. Люди подчинились тленному началам мира, в которых действует разложение и смерть. В людях ослабело питание от Источника жизни и постоянного обновления всех сил. Господь Иисус Христос указал на зависимость болезней от греха при исцелении расслабленного, сказав ему: Вот, ты выздоровел; не грехи больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже⁵⁸.

С грехом вошла в род человеческий смерть. Человек создан бессмертным по душе, и он мог бы остаться бессмертным и по телу, если бы не отпал от Бога. Бог не сотворил смерти, – говорит книга Премудрости⁵⁹. Тело человека, – как хорошо выразил это блаженный Августин, – не обладает «возможностью умереть», но оно обладало «возможностью не умирать», которую потеряло. Бытописатель сообщает, что эта возможность не умирать поддерживалась в раю вкушением плодов от древа жизни, которого лишились праотцы по изгнании из рая. Как

одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили⁶⁰. Апостол называет смерть оброком, то есть платой, возмездием за грех: ибо возмездие за грех – смерть⁶¹.

Бедствия и смерть как наказания Божии. Физические бедствия, будучи следствиями греха, являются одновременно и Божиими наказаниями, как это выражено в словах Божиих прародителям при изгнании их из рая. Ясно, что эти наказания даны как средство удержать человека от дальнейшего и окончательного падения.

О значении трудов и болезней падшего человека св. Кирилл Александрийский говорит, что человек, «получив в удел себе изнурительный пост и скорби, был предан, как бы некоторой узде, болезням, злостраданием и другим горестям жизни. За то, что не удержался благоразумно в свободной от трудов и печалей жизни, он предается злополучиям, дабы страданиями уврачевал в себе болезнь, постигшую его среди блаженства»⁶².

Так же рассуждает этот святой отец о смерти. «Смертью Законодатель останавливает распространение греха и в самом наказании являет человеколюбие. поелику Он, давая заповедь, с преступлением ее соединил смерть, и поелику преступник подпал сему наказанию, – то и устроят так, что самое наказание служит ко спасению. Ибо смерть разрушает эту животную нашу природу и таким образом, с одной стороны, останавливает действие зла, а с другой – избавляет человека от болезней, освобождает человека от трудов, прекращает его скорби и заботы и оканчивает страдания телесные. Таким-то человеколюбием растворил Судия самое наказание»⁶³.

Потеря Царствия Божия как тягчайшее следствие грехопадения. Однако конечным, последним и самым главным следствием греха были не болезни и физическая смерть, а потеря рая. Потеря рая была однозначна с потерей Царствия Божия. В Адаме все человечество лишилось будущего блаженства, предстоявшего перед ним, того блаженства, которого Адам и Ева отчасти вкусили в раю. Вместо того чтобы видеть впереди жизнь вечную, человечество увидело смерть и за нею ад, мрак, отверженность от Бога. Поэтому священные книги Ветхого Завета наполнены мрачными мыслями о загробном бытии: Ибо в смерти нет памятования о Тебе: во гробе кто будет славить Тебя?⁶⁴. Это не отрицание бессмертия, а мысль о беспросветности существования за гробом. Такое сознание и печаль облегчались только надеждой на будущее избавление через пришествие Спасителя: Я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит

из праха распадающуюся кожу мою сию, и я во плоти моей узрю Бога⁶⁵; Оттого возрадовалось сердце мое и возвеселился язык мой; даже и плоть моя успокоится в уповании, ибо Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тление⁶⁶.

Милость Божия к падшему человеку. После грехопадения человека Бог не отверг человека-грешника. Он не отнял от него ни образа Своего, отличающего его от животного мира, ни свободы его воли, ни разума, способного постигать духовные начала, ни других способностей его. Бог поступил с ним как врачеватель и воспитатель: одеждами прикрыл его наготу; умерил в нем самомнение и гордость, плотские похоти и страсти врачевными средствами – трудом и болезнями, дав им даже воспитательное значение: мы сами можем видеть воспитательное действие труда и очищающее действие на душу болезни. Бог подверг человека физической смерти, чтобы не предать его окончательной смерти духовной, то есть чтобы греховное начало в нем не развивалось до крайних сатанинских пределов.

Однако естественная узда страданий и смерти не искореняет самого источника зла. Она только удерживает развитие зла. Для человечества была крайне необходима такая сила, такая сверхъестественная помощь, которая бы совершила в нем самом внутренний переворот и дала ему возможность от постепенного все более глубокого падения повернуться к победе над грехом и к постепенному восхождению к Богу.

Божий Промысл предвидел будущее падение неукрепившейся свободной воли человека. Предвидя падение, предусмотрел и восстание. Грехопадение Адама не оказалось непоправимой гибелью для человечества. Силой возрождающей, по предвечному определению Божию, явилось нисшествие Сына Божия на землю.

Первородный грех

Под первородным грехом понимается грех Адама, передающийся его потомкам и тяготеющий над ними. Учение о первородном грехе имеет большое значение в системе христианского мировоззрения, так как на нем основан ряд других догматов.

Слово Божие учит нас, что в Адаме все согрешили. Как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили⁶⁷. Кто рождается чистым от нечистого? Ни один. Если дни его определены и число месяцев его у Тебя⁶⁸. Вот, я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя⁶⁹. «Семя тли во мне есть»⁷⁰.

Общую веру древнехристианской Церкви в существование первородного греха видно из древнего обычая Церкви крестить младенцев. Поместный собор в Карфагене в 252 году из шестидесяти шести епископов под председательством св. Киприана постановил против еретиков следующее: «Не возбранять крещения младенцу, который, едва родившись, ни в чем не согрешил, кроме того, что, происшедший от плоти Адама, воспринял заразу древней смерти через самое рождение, и который тем удобнее приступает к приятию отпущения грехов, что ему отпускаются не собственные, а чужие грехи». ...

Человек после первого падения отошел сам душой своей от Бога и стал невосприимчив к открытой для него благодати Божией, перестал слышать обращенный к нему Божественный голос, и это повело к дальнейшему укоренению в нем греха.

Однако Бог никогда не лишал человечество Своей милости, помощи, благодати, а особенно избранный народ, – и из этого народа вышли великие праведники, как Моисей, Илия, Елисей и позднейшие пророки. Апостол Павел в XI главе послания к Евреям называет целый сонм ветхозаветных праведников, говоря о них, что это те, которых весь мир не был достоин⁷¹; все они усовершенствовались не без дара свыше, не без благодати Божией. В книге Деяний приведена речь первомученика Стефана, где он говорит о Давиде: Сей обрел благодать пред Богом и молил, чтобы найти жилище Богу Иакова⁷², т.е. создать Ему храм. Величайший из пророков, св. Иоанн Предтеча, Духа Святого исполнился еще от чрева матери своей⁷³. Но ветхозаветные праведники не могли избежать общего удела падшего человечества по своей смерти, пребывания во тьме ада, до создания Небесной Церкви, то есть до Воскресения и Вознесения

Христов: Господь Иисус Христос разрушил двери ада и открыл путь в Царство Небесное. ...

О скорбях нашего времени

Игумен Никон (Воробьев)

Игумен Никон (Николай Николаевич Воробьев) родился в селе Микшино Тверской губернии в многодетной крестьянской семье. В 1914 году закончил реальное училище в Вышнем Волочке и поступил в Психоневрологический институт в Петрограде. Во время учебы в институте он искал ответы на вечные вопросы об истине, о смысле человеческого существования. Отчаявшись найти их во внешних науках, Николай обрел живую веру в Бога. После первого курса он оставил институт и в 1917 году поступил в Московскую духовную академию. Однако учиться там Николаю довелось недолго. В первые послереволюционные годы он преподавал математику в школе в Вышнем Волочке, служил чтецом в московском Борисоглебском храме. В марте 1931 года в Минске принял монашеский постриг с именем Никон, а 26 декабря 1932 года был рукоположен в иеромонаха. В следующем году о. Никон был арестован и сослан в сибирские лагеря на пять лет. Возвратившись из лагеря в 1937 году, поселился в Вышнем Волочке. В 1944 году о. Никон был назначен настоятелем Благовещенской церкви города Козельска, в 1948 году переведен в город Белев, затем – Ефремов, Смоленск. Последним местом его служения был город Гжатск (Смоленская область). Скончался о. Никон 7 сентября 1963 года. Похоронен в Гжатске (ныне Гагарин).

Письма игумена Никона – исповедника, опытного духовника и мудрого пастыря XX века – одно из лучших духовно-аскетических руководств для современных православных христиан. Они – результат не теоретических богословских рассуждений о духовной жизни, но глубокого опытного ее познания. Ниже приводятся некоторые наставления о. Никона о перенесении скорбей, взятые из его писем. Основная их мысль, которую батюшка всячески старается донести до своих духовных чад, – о том, что скорби, предреченные древними святыми отцами, даны нашему времени как основное спасительное средство, они – дар Божий христианам «последних времен», претерпевая их по заповеди Христовой, мы можем достичь спасения.

Печатается по изданию: Нам оставлено покаяние. Письма игумена Никона (Воробьева). М., 1997.

* * *

Мира желаю вам, мира Божия, превосходящего всякое разумение и

соединяющего человека с Богом. А чтобы этот мир осенил человека, надо самим потрудиться в стяжании мирного устроения души, в терпении недостатков друг друга, во всепрощении всяких обид всем.

Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов⁷⁴, а исполнивший закон Христов осенится и миром Христовым, превысшим обыкновенного человеческого разумения. Мир этот делает человека нечувствительным к земным скорбям и страданиям, погашает всякий интерес к миру сему, влечет человека горе, рождает в сердце любовь ко всем, которая покрывает все недостатки ближнего, не замечает их, заставляет жалеть другого больше, чем себя. К этому миру и призваны все верующие во Христа...

* * *

...Прошу вас всех: потерпите обиды, укоризны, несправедливости людские, понесите тяготы друг друга, чтобы хоть ими восполнить недостаток делания духовного. Главное – надо осознать себя достойным всяких оскорблений и скорбей («достойное по делом нашим приемлем»).

Вам известно, что в последние времена будут спасаться скорбями. Разве мы исключены из этого закона? Недаром св. отцы советовали чаще, ежедневно по многу раз, вспоминать о смерти, о Суде, о необходимости дать отчет Господу за каждое дело, слово, помышление, за лукавство, за привязанности к миру, за тщеславие, за все тайное, ведомое только Господу да нашей совести. И вы чаще вспоминайте об этом.

* * *

Когда будет тебе тяжело, то вспомни, что даже Матерь Божия претерпела в земной жизни такие скорби, каких мы не могли бы и вынести. На Ее глазах распяли Господа Иисуса Христа. Каково было Ей терпеть! Все друзья Спасителя кончили мученической смертью. А мученики?..

Триста лет лилась кровь христианских мучеников. А преподобные отцы и матери сколько понесли всяких трудов?

От тебя же Господь требует очень немного: веруй Господу и терпи маленькие скорби, которые вполне тебе по силам (Господь лучше тебя знает твои силы). Терпи и не ропщи. А если поропщешь, то покайся, попроси у Господа прощения, и Господь простит.

Терпи... спасайся, копи капитал для будущей жизни, меньше придавай значения земным делам и скорбям.

* * *

Знаю, что у вас скорбь, что малодушествуете. Надо сознать из дел, что слишком в нас еще слаба вера и надежда на Господа, несмотря на все

уверения Его, что Он ни на минуту не оставляет верующих в Него без помощи и охраны и что Он есть Путь и Истина и Жизнь⁷⁵, и каждого, грядущего к Нему верой, деланием заповедей и покаянием не изженет вон⁷⁶, а наоборот: принимает и упокоевает, как разбойника, мытаря, блудного сына и пр. Почему мы Ему, Самой Истине, не верим? Непрестанно должны мы бодрствовать и призывать имя Божие⁷⁷, чтобы Он поборол наших врагов, укрепил веру нашу, надежду на Бога и постепенно привел к любви к ближнему и к Богу. Царство Божие силою, т.е. постоянным принуждением себя, берется⁷⁸; иначе: возьми ежедневный крест и иди за Мной, иначе: отвергнись себя⁷⁹; иначе: погуби душу твою⁸⁰; иначе: многими скорбями подобает внити во Царствие Божие⁸¹ и прочее.

* * *

Господь посетил вас болезнью, конечно, потому, что она была необходима для вашего спасения. Многими скорбями подобает внити во Царствие Божие, – таков закон духовный. Апостолы, мученики, преподобные, все святые вошли в славу через многие великие скорби. егоже бо любит Господь, наказует: бьет же всякого сына, егоже приемлет⁸². Очевидно, что нет иного пути в Царствие Божие, как путь узкий, крестный, поэтому и вы должны не унывать при болезни и слабости, а паче радоваться духом, утешаясь мысленно, что Господь стал к вам ближе теперь, а в будущем и совсем сделает Своими детьми, если до конца останетесь Ему верными и без ропота понесете все скорбное, что Он найдет нужным послать вам. Претерпевый до конца, той спасен будет⁸³.

* * *

Ты уже унываешь и теряешься от малого искушения. Это Господь попускает тебе, чтобы ты познала свою немощь и поняла, как много всего таится в душе человека, какой труд надо понести, чтобы очистить себя от страстей и стать храмом Бога Живаго и достигнуть спасения. Когда откроется вся немощь человеческая, тогда припадешь ко Господу и уже из глубины сердца будешь вопиять к Нему, как утопающий апостол Петр. Тогда получишь помощь от Господа и поймешь, что воистину близок Господь к призывающим имя Его от всего сердца ... Поймешь и то, как суетно все земное, что твоя привязанность к земле, ссоры, огорчения из-за вещей, из-за дел, из-за слов – так все это ничтожно, так не стоит из-за всего этого огорчаться, ссориться и терять из-за этого мир душевный, а может быть, и спасение.

... Если бы Господь открыл до дна твою душу, то, может быть, ты отчаялась бы. Но все дурное, все страсти, все бесовские козни, все скорби

и страдания – все побеждается смирением. А проявляется смирение тем, что мы от всего сердца, как благоразумный разбойник, скажем Господу: «Достойное по делам нашим приняли, помяни нас, Господи, когда придешь в Царствие Твое!»⁸⁴.

Вот если сумеем так сказать во всех случаях жизни, не будем роптать ни на Господа, ни на людей, то сразу и легко нам будет, и мы будем на правильном пути духовном.

Надо чаще призывать имя Божие, ставить себя пред лице Божие и просить терпения, когда станет слишком тяжело. Как змеи ядовитой, нужно остерегаться ропота. Неблагоразумный разбойник ропотом и бранью не только усилил свои муки, но и погиб навеки, а благоразумный – сознанием, что достойное по делам приемлет, и страдания облегчил, и Царствие Божие наследовал.

* * *

Ты пишешь, что очень скучаешь, не можешь оставаться одна дома, ревешь и не знаешь, с кем поделиться. Любящему Господа вся поспешествуют во благое⁸⁵. Если бы скорби не были полезны людям, то Господь бы не посылал их. Средство от тоски, от скорби – молитва или псалмопение и благодарение Господа. Если будешь понуждать себя читать Псалтирь со вниманием и вставлять чаще молитву Иисусову, Божией Матери и всем святым, то скорбь твоя утихнет и ты получишь большую пользу душевную. Если же будешь изнывать в скорби и плакать помирски, то сильно погресишь и повредишь себе телесно и духовно, не найдя утешения.

Открывай свое сердце Господу со всеми немощами своими, не оправдывай себя, считай себя достойной не только временных скорбей, но и вечных мук, не теряя, однако, надежды на милосердие Божие, надеясь на крестные страдания Спасителя, взявшего на Себя грехи всего мира, – и обретешь отраду, и мир, и спасение. Можешь читать Псалтирь или другие какие молитвы сидя и лежа, только не давай воли празднословию и мечтаниям. Скорби и болезни помогают человеку оторваться от суеты земной и больше прилепиться к Богу. Не унывай зря. Предавайся в руки Божии. Не осуждай никого, имей со всеми мир, и Господь утешит тебя.

* * *

Потерпи скорби, болезни, и тяготы, и обиды в этой жизни, потерпи без ропота – и наследуешь царствие Божие.

Святые говорили, что если бы человек знал, какая радость будет наследовавшим Царствие Божие, то согласился бы ежедневно распинаться на кресте всю жизнь, только бы не потерять вечного блаженства. А

Господь таких страданий от нас не требует. Хочет только, чтобы мы веровали в Него и смиренно потерпели все, что Он пошлет для нашего очищения.

* * *

Когда тебе будет очень тяжело, то скажи от всего сердца: «Господи, достойное по делам моим получаю, но прости мне и дай мне терпения, чтобы не роптать на Тебя. Господи, будь милостив мне, грешной». Повторяй эти слова много раз, пока скорбь не утихнет. Она обязательно утихнет, если от сердца будешь произносить.

* * *

Нашему поколению Господом допущен путь, предсказанный давно: вера и безропотное терпение скорбей и болезней. Личный же подвиг мы не можем вынести – впадем в высокоумие и погибнем в духовной прелести. Надо смириться перед определениями Божиими о нас, принимать посланное как самое полезное, без чего не спастись, и благодарить за это Бога.

* * *

Ты выбрал себе путь жизни исключительно трудный в наше время, и если выдержишь до конца – все твои скорби, мало сказать, возместятся в миллионы раз, а просто (не скажу, что забудутся) даже пожалеешь, что они были слишком малы. Может, тебе покажется это странным, но это так. Я глубоко уверен, что даже древние великие мученики – и они жалели, что мало страдали и поэтому не могли ответить Богу той любовью, которой должны бы были возлюбить Господа.

... Можно полагать, что червь неусыпающий и огонь неугасающий в будущей жизни есть нескончаемая скорбь сердца о том, что было время, когда можно было доказать свою любовь ко Господу, потерпеть разные страдания ради Него, доказать любовь не только страданиями, но и верой в Него среди сомнений всяких, среди страхов, духовного одиночества, сознания своих немощей, бессилия и проч. и проч., – и не доказали...

* * *

Имей в виду, что, по слову прп. Марка Подвижника, все мы на основании непреложного закона духовного еще здесь подвергаемся наказанию за грехи, да не с миром осудимся⁸⁶. И это еще милость Божия, что здесь получаем возмездие. Поэтому при болезнях и скорбях надо внимательнее просмотреть свою жизнь, и искренне покаяться во всем, и ктому не согрешать, да не горше ти что будет⁸⁷.

* * *

Еще советую: благодари Господа за все в жизни; ибо и доброе, и

тяжелое, радость и скорбь посылает Господь для нашей пользы, для спасения.

* * *

Всем напомним: многими скорбями, болезнями, борьбой с грехом, покаянием и смирением входят в царствие Божие. Сеем в плоть – от плоти пожнем тление, скорби, неустройство и прочие плоды зла. Будем с помощью Божией духом подавлять греховные влечения, помыслы, слова, дела – стяжем мир душевный, твердость, ясность душевную и прочие плоды духа.

* * *

Наш путь к спасению – терпение с благодарностью (во всяком случае, без ропота) всего случаемого.

Мы потому остро воспринимаем скорби, что почти не верим словам Евангелия. Готовы поверить всякому человеку, более или менее порядочному, а вот Господу не верим и не доверяем. Это непонятно, пожалуй, рассудку, а внимание к себе показывает, что это именно так. Нужно немало внутренне потрудиться, чтобы получить живую веру в Господа и слова Его. Только при этой вере становится легко жить и переносить все тяготы жизни. Тем более что она – коротенькая подготовка к вечности.

* * *

«На душе... тяжесть». Происходит она у всех нас от «страстей», по терминологии св. отцов. Хотите от нее избавиться – должны стараться ослабить или уничтожить причины. Вечная история, одинаковая у всех. Не надо унывать только, а смиряться, сознавать свою вину, слабость в борьбе и принимать скорби, как принял благоразумный разбойник: Достойное по делам моим приемлю, помяни мя... и проч. Если будете так относиться к себе – получите облегчение, а скоро и избавление. Бог гордым противится, а смиренным дает благодать⁸⁸, которая проявляется в душе как мир, радость, долготерпение, кротость и проч.

* * *

Вы знаете закон духовный: Многими скорбями подобает внити в царствие Божие, в мире скорбни будете, в терпении (скорбей) стяжите души ваши и пр⁸⁹. Это нужно твердо усвоить каждому верующему. Богочеловек претерпел оплевания, биения, заушения и прочие оскорбления, страшный Крест и смерть; Матери Божией оружие пронзило душу и вращалось в сердце Ее во все время страданий Спасителя. Апостолы, мученики, исповедники, преподобные и прочие истинные последователи Христа что претерпели?

Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе и возмет крест свой, и по Мне грядет⁹⁰.

Если вы искренне хотите следовать за Иисусом Христом, то нет другого пути, кроме указанного Им пути: и внешних скорбей, и телесных болезней, и постоянной борьбы со своими страстями...

* * *

Условия внешней жизни надо предпочитать те, которые постоянно указывают нашу тьму, нашу полную испорченность, гораздо большую, чем обычно думают не только мирские люди, но и так называемые духовные. Надо познать себя до конца. Познать не только испорченность, но и бессилие самому исправить ее. Тогда только человек от всей души прилепится к Спасителю, будет взывать к Нему, как утопающий апостол Петр. Тогда он перестанет осуждать и других людей, а с любовью к ним будет терпеть их недостатки, тогда перестанет роптать, если его обидят, оклеветают, будут распинать, а скажет искренне: достойное по делам моим приемлю. По суду Божию все грешники должны терпеть некоторые страдания как следствия греха. Если Господь Иисус Христос страдает тяжело за наши грехи, то ужели мы за свои грехи не должны поскорбеть? Если жених страждет, то прилично ли невесте в это время плясать и веселиться?

* * *

Все виды подвижничества должны привести человека к глубокому смирению. Если не приводят – то путь избран неверный.

В начале пути человек должен избирать жизнь (если только это зависит от него) среди людей и подвергаться всяким искушениям от них, а через это познать свои немощи и смиряться. ... Уединение усыпляет страсти и грехи, обманывает человека, диавол отступает от такого, дает ему мысль, что он победил в себе почти все страсти, а затем, в удобный момент, им же подстроенный, ввергает в пучину падений, из которых многие не в состоянии выбраться. ...

Помните, что во всех обстоятельствах, при любых внешних и внутренних условиях, цель достигается многими скорбями, терпением, усилием («нудится»), протискиванием через узкие врата, по тесному пути. Нет легкого пути! Мысль, что при других обстоятельствах внешних будет легко – ложная мысль, от лукавого.

* * *

...Не бойтесь будущего. С нами Бог сегодня, и завтра, и вовеки. Бойтесь только оскорбить Его каким-либо грехом. Если по немощи впадем во что-либо неладное – покаемся, и Господь простит нас, не нужно только

сознательно выбирать зло (грех), оправдывать себя, роптать на Бога. Не бойтесь ничего. Дерзайте, возложите все ваши скорби, недоумения, опасения, обиды от бесов и людей на Господа, и Он хочет и знает, как освободить вас от них, когда это будет полезно вам.

* * *

В своих скорбях не отчаивайтесь и не опускайте рук. Читайте чаще и больше Евангелие. Иисус Христос всех кающихся прощал, но и предупреждал: иди и впредь не грехи. Прибегайте чаще к Нему, признавайтесь в своих неправдах, просите помощи, понуждайте себя всегда, когда вслух, когда про себя, творить молитву Иисусову.

Да вразумит и сохранит вас Господь от всякого зла.

* * *

Сочувствую твоим скорбям, утешай себя тем, что они вполне неизбежны и что без них мы не можем спастись, что мы должны следовать Господу Христу Он страдал, был послушлив Отцу Своему до смерти, смерти же крестныя⁹¹. И нам, хотящим быть христианами, следует быть послушными Спасителю нашему, Который заповедует отвергнуться себя, взять крест скорбей и страданий и следовать за Ним⁹², следовать исполнением Его св. заповедей. Нет другого пути в Царствие Божие, кроме крестного.

Терпи, молчи, не унывай, как можно чаще, хотя и понемножку, молись и проси у Господа терпения в скорбях и вразумления.

* * *

Не должны мы поддаваться унынию, ропоту за болезни свои и за скорби, ибо установлен Богом закон, более твердый, чем небо и земля, закон, что многими скорбями подобает внити в царствие Божие⁹³. А мы в настоящее время пришли в такой период жизни человечества, когда спасаются исключительно только безропотным терпением скорбей, с верой в Бога и надеждой на Его милосердие. Другими путями сейчас не умеет спастись никто. Остался для нашего времени только один единственный путь: терпение скорбей. Преподобный Исаак Сириин пишет: «Паче всякой молитвы и жертвы драгоценны пред Богом скорби за Него и ради Его». А всякая скорбь, которую мы принимаем без ропота, с мыслью благоразумного разбойника, именно: что за грехи, для спасения и очищения посылаются скорби, и, следовательно, достойное по делам нашим приемлем⁹⁴ – всякая скорбь при таком отношении к ней вменяется в скорбь ради Господа, крест наш личный преобразуется в Крест Христов, и мы через него спасаемся. Аще со Христом спостраждем, то с Ним и прославимся, – говорит апостол Павел⁹⁵.

В минуты скорби и уныния полезно помнить совет прп. Исаака Сирина: «Содержи всегда в памяти тягчайшие скорби скорбящих и озлобленных (напр, в тюрьмах, ссылках и проч.), чтобы самому тебе воздать должное благодарение за малые и ничего не значащие скорби, какие у себя находишь, и быть в состоянии переносить их с радостью».

В скорбях, переносимых с радостью, с благодарностью к Господу, спасающему нас через страдания, скрыта радость духовная, радость восхождения духовного от силы в силу.

* * *

...Когда покаянием очистим себя, тогда увидим, что скорби, нам посланные, суть явление милости и любви к нам Господа, познаем, что они нам более нужны, чем всякие земные блага.

* * *

Чтобы приобрести смирение, а с ним мир Божий (в душе), превосходящий всякое разумение⁹⁶, надо много потерпеть неудач, падений, оскорблений и проч. Постоянные успехи могут погубить духовного человека, поэтому Промысл Божий вынужден посылать нам всякие испытания, неудачи, скорби, болезни и проч., чтобы человек на тысячах примеров познал свою немощь и отдался всецело в руки Божии, а не на себя надеялся.

* * *

Надо терпеть и понуждать себя. Сами на себя не налагаем никакого подвига, вот и посылается извне. Остается только без ропота терпеть и сознавать, что заслуживаем гораздо худшего. Тогда внешние скорби и болезни вменяются такому в его личный подвиг. О таком способе спасения в последние времена давно предсказано св. отцами. Слава Богу за все.

* * *

Теперь люди все (в том числе и монахи) спасаются, по исполнившемуся предсказанию Антония Великого и других древних св. отцов, скорбями и, прибавлю от себя, внутренним монашеством, а не внешним, если у кого есть стремление к монашеству.

* * *

Многими скорбями подобает внити в Царствие Божие. Умный и верующий человек использует скорби к великому успеху в духовной жизни, а немудрый, ропотливый теряет случай для приобретения, вредит себе, расстраивая и тело, и душу. Печаль мира сего смерть соделовает⁹⁷, – вот как можно расстраиваться. Проси мудрости у Господа для спасения и исполнения воли Божией (а не для мирских целей), и Господь подаст.

* * *

По мнению епископа Игнатия [Брянчанинова] и по предсказанию св. отцов, нашему времени дан особый путь спасения, соответственно состоянию всего человечества, именно: спасутся те, кто 1) сохранит веру, 2) без ропота будет терпеть все скорби и искушения и 3) сознавая свои немощи, смирится. Нашему времени нельзя дать подвигов вследствие гордости, проникшей в каждого человека. А видя постоянно свои недостатки, желающий может смириться. Самые скорби он тогда будет принимать как благоразумный разбойник: Достойное по делам нашим приемлем. Тогда они легче будут и переноситься.

* * *

До конца жизни приходится каждому человеку бороться со своим ложным, падшим «я». Самый успех в духовной жизни измеряется глубиной смирения. Вот почему надо как от руки Божией (так это и есть) принимать всякие унижения, оскорбления, обиды, даже падения – все содействующее подавлению нашего «я» – не с ропотом, а с благодарностью. Даже и при таком действовании до конца жизни человек не может вполне освободиться от тщеславия и высокоумия. Без смирения человек не может без вреда для себя получить и какие-либо дарования Божии. Вот почему и предсказано, что в последние времена, ввиду усилившейся гордости, люди будут спасаться только терпением скорбей и болезней, а подвиги от них будут отняты.

* * *

...Явно, что Господь, любя вас и желая прославить, посылает вам скорби и болезни. Итак, мужайтесь, терпите Господа, и Он возьмет вас с креста вашего в славу сынов Своих, в вечную Пасху, в неизреченную радость, где забудутся все скорби земной жизни.

Преподобный Серафим Саровский, чудотворец, в согласии с древними св. отцами говорил, что если бы человек знал, какие блаженства уготовлены спасающимся, то согласился бы тысячу лет жить в келии, наполненной гадами, грызущими его тело, только бы не лишиться будущего блага.

Терпением вашим стяжите души ваши⁹⁸. Да поможет вам Господь до конца донести посланные вам кресты.

* * *

...Предсказано древними отцами о нашем времени. Сказано: будут спасаться верою, терпением скорбей и болезней и покаянием. Дел у нас нет. Во всем и во всякое время нарушаем заповеди Христовы, поэтому остается нам каяться, терпеть и верить, что Господь Иисус Христос, пришедший взыскать и спасти погибшее⁹⁹, спасет и нас, умоляющих Его о

прощении и спасении. В это надо твердо верить. Надеющийся на свои дела строит свой дом на песке. Спасение человеков есть дело милости Божией, дар Божий падшему человечеству, уверовавшему во Христа, сознавшему свою гибель и взывающему мытаревым гласом: Боже, милостив буди мне грешному¹⁰⁰.

* * *

Необходимые для спасения человека скорби могут восприниматься человеком труднее или легче в зависимости от устройства человека. Если человек примет на веру слово Божие о необходимости и неизбежности скорбей для спасения, если он сознает свои бесчисленные грехи словом, делом, помышлением, сочтет себя вполне заслужившим не только посланных скорбей, но и гораздо больших, смирится пред Богом и людьми – то скорби станут легче; а потом породят в человеке то, что дороже всего мира со всеми его земными радостями, по слову апостола Павла: Око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Господь любящим Его¹⁰¹.

Если же человек будет роптать на скорби и болезни, будет искать виновника этим скорбям среди людей, бесов, обстоятельств, станет всеми средствами пытаться избежать их, то враг поможет ему в этом, покажет ему мнимых виновников (начальство, порядки, соседи и проч. и проч.), возбудит в нем вражду и ненависть к ним, желание мстить, оскорблять и проч. и проч. А через это приведет душу такого человек в мрак, отчаяние, безнадежие, желание уйти в другое место, скрыться хоть под землю, лишь бы не видеть, не слышать мнимых врагов, а на самом деле, слушая и услаждая действительного смертельного врага своего – дьявола, внушающего ему все это зло и желающего погубить его, иногда довести даже до самоубийства, т.е. верной гибели.

Если хочешь найти мир душевный, отраду и верное спасение – смирись под крепкую руку Божию, и Он вознесет тебя. Это значит: прими все случающееся с тобой как от руки Божией (а не от человеков, бесов, обстоятельств и проч.), ибо воистину все происходящее с нами не может прийти без воли Божией. Люди и обстоятельства – только орудия Божии, часто не понимающие того, что делают.

* * *

Всем!

Покаянием, терпением и смирением спасайте души ваши.

Покаянием, потому что мы постоянно согрешаем; терпением – ибо сказано: претерпевый до конца, той спасен будет¹⁰², и смирением – ибо смиренным дает Бог благодать¹⁰³.

У человека от природы есть много добра и в совести, и в разуме, но в то же время еще больше есть такого, что постоянно борется в человеке с добром. И как сама природа постоянно как бы противоречит себе самой, так и человек постоянно мучается непрекращающейся борьбой духа и плоти, высших и низших своих стремлений.

Архиепископ Феодор (Поздеевский)

Примечания

- ¹ - Иез. 2:10.
- ² - Быт. 6:12.
- ³ - Ин. 15:11.
- ⁴ - Ин. 16: 22
- ⁵ - Быт. 1:31.
- ⁶ - См.: Быт. 1:1–15.
- ⁷ - Здесь: устар. – как кажется, по видимости.
- ⁸ - Срав.: 1Кор. 1:21.
- ⁹ - Быт. 3:6.
- ¹⁰ - Рим. 7:24.
- ¹¹ - Неточная цитата частично на русском, частично на церковнославянском языке; см.: Рим. 7:14 и 18–23.
- ¹² - Еккл. 1:13–14,9.
- ¹³ - См.: Быт. 3:17 на церковнослав.
- ¹⁴ - См.: Рим. 8:22 на церковнослав.
- ¹⁵ - Еккл. 2:17–18 и 22–23.
- ¹⁶ - Еккл. 7:29.
- ¹⁷ - Еккл. 12:13.
- ¹⁸ - Мф. 11:28.
- ¹⁹ - Срав.: 1Ин. 2:16.
- ²⁰ - Это окончание статьи «К вопросу о страданиях» (Богословский вестник, издаваемый при МДА. 1909. Т. 3. С. 86–311); оно следует после слов: «... а дает ему и надежду на спасение, указывает на отраду и радость бытия в Боге и с Ним» (см. 4-й абзац от конца) и начинается предложением: «Это и есть по преимуществу тайна Креста Христова», которое здесь опущено.
- ²¹ - См.: Лк. 4:19–21.
- ²² - 1Кор. 15:19.
- ²³ - 2Кор. 12:10; Флп. 1:21.
- ²⁴ - Иак. 1:2; 1Фес. 5:16–18.
- ²⁵ - Пс. 118:71.
- ²⁶ - 2Кор. 12:10.
- ²⁷ - 2Кор. 4:16.

- 28 - Флп. 1:21.
- 29 - См.: 2Кор. 11-12.
- 30 - Срав.: 1Кор. 1:18-31.
- 31 - Быт. 3:16-19.
- 32 - Пс. 2:12 (церковнослав.: Приимите наказание, да не когда прогневається Господь, и погибнете от пути праведного).
- 33 - Пс. 118:71 (церковнослав.: Благо мне, яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием Твоим).
- 34 - Рим. 8:22 и 20-21.
- 35 - Здесь: суть, в отличие от богословской категории «сущность», которой зло не имеет.
- 36 - 1Ин. 3:8.
- 37 - Ин. 8:44.
- 38 - Иуд. 1:6; срав.: 2Пет. 2:4.
- 39 - Сир. 10:15.
- 40 - 1Тим. 3:6.
- 41 - 1Пар. 21:1.
- 42 - См.: Зах. 3:1; в церковнослав. – диавол, в синод, переводе – сатана.
- 43 - Прем. 2:24.
- 44 - Мф. 12:43-45.
- 45 - Лк. 13:16.
- 46 - Откр. 12:9.
- 47 - Лк. 10:18.
- 48 - См.: Кол. 1:16; 2:15; Еф. 6:12.
- 49 - Еф. 2:2.
- 50 - Еф. 6:12.
- 51 - Быт. 3:1-6.
- 52 - Ин. 8:44.
- 53 - Откр. 12:9.
- 54 - Прем. 2:24.
- 55 - Рим. 7:18,22-23.
- 56 - Срав.: Рим. 6:6.
- 57 - 1Ин. 2:15-16.
- 58 - Ин. 5:14.
- 59 - Прем. 1:13.

- 60 - Рим. 5:12.
61 - Рим. 6:23.
62 - Св. Кирилл Александрийский. О вочеловечении Господа.
63 - Там же.
64 - Пс. 6:6.
65 - Иов. 19:25–26.
66 - Пс. 15:9–10.
67 - Рим. 5:12.
68 - Иов. 14:4–5.
69 - Пс. 50:7.
70 - Вечерняя молитва.
71 - Евр. 11:38.
72 - Деян. 7:46.
73 - Лк. 1:15.
74 - Гал. 6:2.
75 - Ин. 14:6.
76 - Ин. 6:37.
77 - Срав.: 1Фес. 5:17.
78 - Мф. 11:12.
79 - Мф. 16:24.
80 - Лк. 17:33.
81 - Деян. 14:22.
82 - Евр. 12:6.
83 - Мф. 10:22;24:13; Мк. 13:13.
84 - Лк. 23:41–42.
85 - Рим. 8:28.
86 - 1Кор. 11:32.
87 - Ин. 5:14.
88 - Иак. 4:6.
89 - Деян. 14:22; Ин. 16:33; Лк. 21:19.
90 - Мф. 16:24.
91 - Флп. 2:8.
92 - Срав.: Мф. 16:24.
93 - Деян. 14:22.

- 94 - Лк. 23:41.
95 - Срав.: Рим. 8:17.
96 - Срав.: Флп. 4:7.
97 - 2Кор. 7:10.
98 - Лк. 21:19.
99 - Лк. 19:10.
100 - Срав.: Лк. 18:13.
101 - 1Кор. 2:9.
102 - Мф. 24:13.
103 - Притч. 3:34.

Содержание

Зло, грех, страдания. В свете православного Предания (сборник)	1
Тайна греха и страданий по суду Откровения.	4
Дополнение к вопросу о страданиях ²⁰	19
Зло и грех	26
Зло и грех в мире	27
Падение в мире ангельском. Мир темных и злых духов	29
Грехопадение людей	31
Первородный грех	36
О скорбях нашего времени	38
Примечания	50